

ВНЕ ЗАКРЫТОЙ СЕТИ

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ
АРХИВ

проверить
сопоставить
понять

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Вне закрытой сети

<https://litres.ru/74351842>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лада Мезенцева выросла в «Контуре» — закрытом цифровом кооперативе, где семейная связь, обучение, заказы и архив составляют одну систему. Поступив на вечернее документоведение, она пытается доказать, что сеть переписала важную неделю её детства. Но чем точнее становится проверка, тем меньше остаётся от удобной версии: поздний файл не равен подлиннику, память не заменяет запись, а разоблачение может раскрыть чужие данные и лишить близких заработка.

Чтобы получить право на собственную жизнь, Ладe придётся не просто выйти за пределы сети, а научиться сохранять несовместимые свидетельства, признавать ошибки и не говорить от имени тех, кто решил остаться. Психологический роман об образовании, семейной власти и свободе, которая начинается с честного предела собственной правоты.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Неделя без расхождений	6
Глава 2. Гостевой час	18
Глава 3. Экзамен на источник	32
Глава 4. Семейный аккаунт	54
Глава 5. Пустое поле автора	77
Глава 6. Первый внешний семестр	97
Глава 7. Окно синхронизации	112
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Влад Велирский

Вне закрытой сети

От автора

Мы привыкли считать цифровую закрытость недостатком: нет доступа, нет выбора, нет свободы. Но закрытые системы редко держатся только запретами. Они дают людям работу, язык, память, быстрый ответ и уверенность, что по ту сторону экрана находятся свои. Поэтому выход из такой системы — не простое движение от тьмы к свету. Иногда человек уносит с собой знание, а оставшимся оставляет счёт.

«Вне закрытой сети» — художественный роман. Его города, организации, технологии и архивные процедуры вымышлены. В центре книги не расследование реального сообщества, а вопрос о том, как мы доказываем собственное прошлое. Запись может быть подлинной и всё же неполной. Свидетель может говорить честно и ошибаться. Исправление может устранить неточность и одновременно спрятать след того, кто имел право исправлять.

Эту историю лучше читать не как спор между свободой и несвободой, где правильная сторона известна заранее. Здесь важны несовпадающие версии, пределы согласия и материальная цена решений. Герои не обязаны становиться дока-

зательствами чужого взросления. Их отказ, молчание и желание остаться внутри привычной системы имеют такой же вес, как стремление главной героини выйти наружу.

Книга не предлагает технических советов и не описывает реальные способы обхода цифровых ограничений. Она говорит о более обычной и трудной работе: назвать автора решения, сохранить прежнюю версию, признать предел памяти и передать другому человеку только то, что он согласился принять.

Глава 1. Неделя без расхождений

В воскресенье после девяти вечера узел становился медленнее. Не сеть — люди. До закрытия недельного слепка оставалось три часа, и каждый вспоминал, что забыл подтвердить доставку, отметить замену смены или возразить против чужой формулировки. На экране Лады одна за другой вспыхивали жёлтые карточки. Она разбирала их сверху вниз, не торопясь и не оставляя хвостов: в понедельник незакрытая карточка стоила семьё доли рейтинга, а три таких карточки подряд — места в очереди на заказы.

За стеной мать прострочила подкладку, остановила машинку и тут же пустила её снова. Ровный гул проходил сквозь перегородку и через стол отдавался в ладони. Лада привыкла работать под него. Пока игла двигалась, в доме всё было на месте.

Она подтвердила, что семья Каюровых получила две упаковки молний вместо одной и согласилась оставить излишек до следующего расчёта. Объединила три сообщения о сбое на узле номер семь. Вернула на уточнение жалобу, в которой было написано только: «Опять как всегда». Система показала восемьдесят семь процентов готовности.

Последней в семейной папке лежала карточка матери.

Лада открыла её и сначала увидела не текст, а время: 02:14, четверг. В это время мать уже должна была спать. В

четыре ей вставать к первой партии чехлов для тепличных датчиков.

«Заказ 44-Л принят по сроку на восемнадцатое, — написала мать. — После синхронизации срок стал шестнадцатым. Я такого не подтверждала. Ночная доплата не начислена».

Под сообщением стоял серый знак: содержание совпадает с обращением 7781 на девяносто два процента. Рекомендация — оставить более раннюю запись, позднюю удалить как дублирующую.

Лада открыла обращение 7781. Оно было создано координатором узла от имени семейной мастерской в четверг в 02:09.

«Срок заказа 44-Л отображён некорректно. Исполнитель уведомлён. Перерасчёт не требуется».

Исполнителем была мать. Координатором — Роман.

— Мам, — позвала Лада.

Машинка не остановилась.

— Мам, ты про сорок четвёртый заказ отправляла одну жалобу или две?

Теперь игла замерла. В наступившей тишине слышно стало, как кулер системного блока набирает обороты.

— Я отправляла одну, — ответила мать. — А что?

— Тут есть запись Романа на пять минут раньше.

— Значит, он тоже отправлял.

Мать произнесла это без удивления, словно две записи, одна из которых отменяла смысл другой, могли мирно ле-

жать рядом. Лада развернула стул к двери. Из комнаты была видна половина мастерской: край раскройного стола, лампа на гибкой ножке и мамино плечо в сером халате.

— Он написал, что ты уведомлена и перерасчёт не требуется.

— Я слышу.

— Ты была уведомлена?

Мать подняла с колен тёмную подкладку и проверила шов на свет.

— Лад, у меня ещё шесть штук.

— Это ответ или нет?

— Это значит, что мне надо закончить работу.

На экране жёлтая карточка сменилась красной рамкой. До автоматической сборки оставалось семнадцать минут. Если Лада не примет решение, семейная папка уйдёт в общий слепок с расхождением. Правило было простым: совпадающие обращения объединялись по времени, а уточнение сохранялось только тогда, когда добавляло новый подтверждаемый факт. Мамино сообщение добавляло требование о ночной доплате, но подтверждения изменения срока в журнале заказов не было. Журнал показывал шестнадцатое число с момента создания карточки.

Лада знала, как это объяснит Роман. Заказчица могла назвать восемнадцатое в голосовом разговоре, мать могла запомнить желаемый срок вместо указанного. Координатор увидел жалобу в семейном канале, перенёс её в технический

и снял требование о перерасчёте, чтобы спор не заморозил оплату всей мастерской. Так делали не впервые. Пока выясняли формулировки, люди должны были получать деньги.

Но мать написала: «Я такого не подтверждала».

— Я могу оставить обе версии, — сказала Лада. — Только тогда слепок уйдёт с расхождением.

— И что будет?

— Ничего сразу. Проверка. Может быть, задержат расчёт.

— На сколько?

— Не написано.

Мать снова опустила лапку машинки.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Игла застучала. Лада отвернулась к экрану. Внизу карточки находилась строка, которую большинство пользователей не разворачивало: «Решение оператора станет частью служебного журнала». Она всегда разворачивала. Ей нравилось, что у решения есть автор, даже если в общем слепке его имени никто не увидит.

Она выбрала «объединить», оставила раннюю запись Романа и пометила мамино сообщение как дублирующее. Перед удалением система предложила сохранить локальную копию на семь дней. Лада поставила галочку. Так было безопаснее: если появится журнал разговора с заказчицей, карточку можно восстановить до следующего закрытия.

Красная рамка погасла.

Готовность семейной папки: сто процентов.

— Закрыла? — спросила мать из мастерской.

— Да.

— Хорошо.

Лада ждала, что мать спросит, какую запись она оставила. Та не спросила.

В десять началась общая сборка. На карте «Контур» зажигались узлы: сначала восточный квартал, потом две улицы у старой пристани, затем окраина, где в бывшем почтовом отделении стоял резервный сервер. Северск-на-Луге снаружи выглядел городом, который интернет обошёл стороной. На центральной площади связь ловила у аптеки и у окон администрации, по вечерам её не хватало даже на фотографии. Внутри «Контур» сообщения доходили за секунды, заказы распределялись без комиссии внешних площадок, школьные курсы хранились на местных дисках, а врачебный фельдшер дважды в неделю отвечал по внутреннему каналу.

Лада не считала сеть закрытой. Закрытым бывает то, из чего не выпускают. Здесь можно было подать заявку на внешний час, купить трафик за трудовые единицы или съездить в районный центр. Просто почти всё нужное уже находилось внутри, а всё ненужное стоило дорого.

Она просмотрела сводку. Сорок две семейные папки были готовы, у трёх оставались расхождения. Узел номер четыре просил отсрочку: женщина, державшая ключ подписи, уехала к дочери и не успевала вернуться. Роман разрешил закрыть их по резервному подтверждению. В служебном ка-

нале он писал коротко, без приветствий:

«4 — резерв до 23:20. 7 — сбой объединён. 2 — готовность?»

Вторым был их узел.

Лада ответила: «2 — готов».

Через несколько секунд рядом появилась синяя отметка брата. Не похвала и не благодарность, просто подтверждение, что он увидел. Этого хватало. Когда ей было девятнадцать и Роман впервые посадил её разбирать семейные записи, она путала версии файлов и боялась нажать не ту кнопку. Он сделал для неё бумажную схему из двенадцати прямоугольников. Схема до сих пор лежала под прозрачной накладкой стола, хотя интерфейс менялся уже трижды.

В 23:41 карта стала синей целиком. Роман запустил подпись, и недельный слепок получил номер: СЛ-24-39. Лада переписала его в бумажный журнал. Это считалось лишней предосторожностью — номера хранились на трёх узлах, — но бумагу можно было положить перед человеком и спросить, узнаёт ли он собственный почерк. С цифровой записью такой вопрос всегда превращался в другой: кто имел право её показать.

Система выдала итог: «Расхождений: 0».

Лада задержала курсор над строкой. Ноль выглядел аккуратно. Он означал, что неделя завершилась одинаково для всех, кому завтра понадобятся её данные. Заказ 44-Л был принят на шестнадцатое. Исполнитель уведомлён. Перерас-

чёт не требуется.

В локальном хранилище оставалась другая неделя. Ей было отпущено семь дней.

— Чай будешь? — спросила мать.

— Буду.

Лада заблокировала служебный экран. На личном термине мигал конверт внешней доставки. Такие сообщения приходили двумя путями: их приносил ночной шлюз после общей сборки или загружал оператор гостевого канала. В углу стояло время получения — 23:43. Адресат был указан непривычно полно: Мезенцева Лада Олеговна.

Мать внесла две кружки и поставила между ними блюдце с засохшими ломтиками лимона.

— Откуда? — спросила она.

— Сейчас посмотрю.

— Если про налог, Роману перешли.

Лада открыла письмо. В шапке значилось: Озёрный областной институт гражданских специальностей, вечернее отделение документоведения. Ниже стоял исходящий номер, фамилия секретаря и ссылка, которая внутри «Контура» отображалась серым прямоугольником.

«Ваша предварительная заявка рассмотрена. Для допуска к вступительному испытанию необходимо до 20 сентября создать учётную запись абитуриента во внешней информационной системе, загрузить сканы документов и подтвердить адрес электронной почты. Обращаем внимание: внутренние

адреса локальных сетей не поддерживаются».

Лада прочитала дважды. Потом дошла до строки: «Предлагаемая дата испытания — 24 сентября, 18:30».

— Ну? — мать подула на чай.

— Ответ из Озёрного.

— Из архива?

Лада ещё в июне сказала ей, что запросила программу курсов при областном архиве. Это было правдой. На странице института программа лежала рядом с формой предварительной заявки. Она не сказала, что заполнила обе.

— Из института.

Мать взяла письмо за верхний край, хотя экран не требовал держать его пальцами, и придвинула к себе.

— «Вступительное», — прочла она. — Это что?

— Они набирают вечернюю группу. Документоведение. Три раза в неделю после работы.

— После какой работы?

— После моей.

— Твоя работа здесь.

— Я знаю, где моя работа.

Мать отпустила экран.

— Я не про место. Когда ты будешь успевать?

Лада могла бы достать сохранённое расписание, показать, что занятия начинались в половине седьмого, а последний автобус из Озёрного уходил в десять сорок. Могла объяснить, что первый семестр оплачивался частями и что на сай-

те упоминались места в общежитии. Она собирала эти сведения с июня, по часу в неделю, и держала в папке с нейтральным названием «Технические описания». Но если выложить всё сейчас, выйдет, что разговор состоялся давно, без матери.

— Сначала надо сдать испытание, — сказала она.

— Роман знает?

— Это моя заявка.

— Я спросила, знает ли он.

— Нет.

Мать посмотрела в сторону мастерской. Там на столе остались шесть незаконченных чехлов, которые к утру должны были стать заказом. Потом снова прочла письмо — теперь медленнее, будто искала строку о том, что обучение не настоящее.

— А что значит «внешняя система»?

— Обычная учётная запись. Их адрес, пароль, подтверждение почты.

— У тебя есть почта.

— Внутренняя. Они её не принимают.

— Значит, напиши им отсюда, пусть примут.

— Они уже написали, что не примут.

Мать помолчала и отхлебнула чай.

— Тогда это к Роману.

Лада закрыла письмо, но серый прямоугольник ссылки остался перед глазами. На внешний час подавали заявку ко-

ординатору. Требовалось указать цель, адреса и объём передачи. Для медицинской консультации разрешение приходило сразу. Для заказа оборудования — после проверки продавца. Учёба значилась в категории «другое», а значит, решение принимал совет узла. Роман не мог просто пропустить заявку, даже если захотел бы. Его подпись увидели бы ещё двое.

— Я завтра схожу в гостевую комнату, — сказала Лада.

— Без заявки?

— С заявкой.

— Тогда всё равно к Роману.

— Не всё, что проходит через него, принадлежит ему.

Мать улыбнулась устало, без веселья.

— Ты сегодня его запись оставила?

Вопрос прозвучал так спокойно, что Лада не сразу поняла, о чём речь.

— По заказу?

— По заказу.

— Она была раньше.

— Я не спрашивала, почему.

Лада посмотрела на закрытый служебный экран. Ей захотелось сказать про локальную копию, про семь дней, про возможность восстановить карточку. Но это прозвучало бы как оправдание человека, который сохранил не запись, а право когда-нибудь признать ошибку.

— Его, — ответила она.

Мать кивнула, забрала свою кружку и ушла в мастерскую. Через минуту машинка снова застучала.

Лада открыла форму заявки на внешний час. Поля уже были знакомы: цель сеанса, список ресурсов, предполагаемый объём, наличие персональных документов. Она вписала название института и остановилась на цели.

«Поступление» было правдой, но такая правда немедленно становилась семейным вопросом. «Проверка учебной программы» была тоже правдой — вчерашней, меньшей и безопасной. От формулировки зависело только решение совета, убеждала себя Лада. Документы она всё равно будет загружать сама. Никто не получит доступ к семейной папке. Ни один заказ не пропадёт из-за того, что она заведёт внешний адрес.

Она выбрала «образовательные материалы».

Система запросила основание. Лада прикрепила письмо, но скрыла предварительный просмотр личных строк, оставив название института и крайний срок. Так разрешалось делать, если сообщение содержало персональные данные. Так делали, когда записывались к врачам или отправляли документы на пособие.

До отправки оставался один флажок: «Подтверждаю полноту указанной цели».

В служебном журнале недели стоял ноль расхождений. В локальной папке лежала удалённая жалоба матери. За стеной мать шила заказ, срок которого будто никогда не менялся.

Лада поставила флажок.

Ответ пришёл быстрее, чем она ожидала. Не решение — автоматическое уведомление: «Заявка 2-193 принята. Рассмотрение координатором: 08:00–10:00».

Под ним появилась синяя отметка. Роман ещё не спал.

Лада погасила экран. Бумажный журнал остался открытым на строке СЛ-24-39. После номера она обычно ставила короткую черту, чтобы следующую неделю нельзя было приписать к этой. Теперь рука зависла над листом.

Она дописала: «0 расхождений» — и только потом провела черту.

Глава 2. Гостевой час

В восемь ноль семь заявка исчезла из списка ожидающих.

Лада обновила экран. Вместо жёлтой полосы появилась серая: «Требуется личное присутствие координатора». Ни отказа, ни разрешения. Роман выбрал третий вариант, которым пользовался, когда хотел услышать ответ без служебной переписки.

Он пришёл через двадцать минут, в рабочей куртке с отражающей полосой и с мотком кабеля на плече. Сначала прошёл к стойке, проверил температуру накопителей, снял показания батареи. Лада не торопила. В узле брат всегда сперва занимался тем, что могло сломаться, и только потом — теми, кто мог обидеться.

— Двадцать восьмой диск шумит, — сказал он. — Слышишь?

Лада прислушалась. За ровным гулом вентиляторов постукивало что-то мелкое, будто пуговица в жестяной коробке.

— Вчера не было.

— Вчера общая сборка всё перекрывала. После обеда замену. До тех пор тяжёлые выгрузки не ставь.

Он повесил кабель на крюк и только теперь открыл на своём терминале заявку 2-193.

— Образовательные материалы.

— Да.

— Какие?

— Программа, форма, документы института.

— Для курсов при архиве?

Лада посмотрела на его руки. На левом большом пальце чернела полоса от изоляции. Этими руками он прокладывал первые линии «Контура» по чердакам, договаривался с соседями, чинил матерям терминалы, а потом ставил подписи под решениями, из-за которых его считали человеком, способным выключить целую улицу. Лада знала: он не мог дать ей гостевой час, не установив точной цели. Но знала и другое: если произнести «поступление», разговор выйдет из комнаты раньше неё.

— Институт прислал форму допуска, — сказала она.

— Это не ответ.

— Форму допуска к испытанию.

Роман перестал листать заявку.

— К какому испытанию?

— Вечернее документоведение.

— Ты подала документы?

— Предварительную заявку. Документы ещё надо загрузить.

Он прочёл прикреплённое письмо, развернул скрытые строки и получил сообщение о недостаточных правах. Лада заметила, как изменилось его лицо: не злость, а короткое профессиональное раздражение перед дверью, ключ от ко-

торой ему не дали.

— Закрыла от координатора?

— Там мои персональные данные.

— Я знаю, что там. Я спрашиваю, зачем закрыла.

— Затем, что они мои.

Роман отодвинул терминал.

— Хорошо. Тогда по твоим данным всё чисто. По семейным — нет. Сколько раз в неделю?

— Три.

— Где?

— В Озёрном.

— Последний автобус?

— В десять сорок.

— А если занятие задержат?

— Переночую в общежитии.

— Ты уже и общежитие посмотрела.

Лада промолчала.

— Сколько стоит?

— Первый взнос двадцать две тысячи. Потом ежемесячно.

— Трудовыми единицами институт берёт?

— Нет.

— Значит, рублями. И работать ты собираешься три дня до пяти, потом ехать, потом возвращаться после полуночи. Утренние закрытия кто берёт?

— Мы можем поменять график.

— С кем ты это обсуждала?

Каждый вопрос был разумным. Вместе они складывались в решётку. Лада чувствовала знакомое желание отвечать всё точнее, пока точность сама не докажет, что она имеет право. Но у Романа всегда находился следующий вопрос. Так он проверял оборудование, сметы и людей: до тех пор, пока слабое место не называло себя само.

— Ни с кем, — сказала она. — Я ещё не поступила.

— А уже просишь сеть создать тебе внешний след.

— Я прошу один час связи.

— Нет. Один час связи нужен, чтобы прочитать страницу. Для учётной записи ты отдашь внешний адрес, номер документа, фотографию, возможно, телефон. Потом эта система будет знать, когда ты входишь и что загружаешь. Это след. Его нельзя закрыть недельным слепком.

— Поэтому он мне и нужен.

Роман вскинул глаза. Лада не собиралась говорить это вслух. Фраза прозвучала как вызов, хотя была просто правдой: институт не признавал адрес, существующий только внутри сети. Чтобы стать для него абитуриенткой, ей требовалось появиться где-то ещё.

— Маме сказала?

— Вчера.

— До заявки или после?

— После письма.

— Мне почему не сказала?

— Потому что я не прошу тебя поступать вместо меня.

— Ты просишь меня подписать передачу документов через наш канал. Если наружу уйдёт лишнее, отвечать будет узел.

— Я согласна на запись сеанса.

Роман постучал пальцем по столу и открыл журнал гостевой комнаты.

— Сегодня в шестнадцать. Шестьдесят минут, только адреса из письма и почтовый шлюз «Берег». Загрузку на институтский адрес проверим по контрольной сумме. Копии остаются на гостевой машине до закрытия суток, потом стираются по акту.

Лада ожидала торга и потому не сразу поняла, что получила разрешение.

— Спасибо.

— Не мне. Правилам. Заявка подходит.

Он поставил подпись, но окно не закрыл.

— Цель указана неполно. Я меняю на «регистрация абитуриента и передача персональных документов».

— Это увидит совет?

— Это и должен видеть совет.

— Тогда зачем ты спрашивал, сказала ли я маме?

— Чтобы понять, кому придётся объяснять последствия.

В профиле Лады мигнул показатель доверия. Было восемьдесят четыре, стало семьдесят девять. Рядом система перечислила основания: самостоятельная внешняя регистрация — минус три; неполное описание цели гостевого досту-

па — минус два.

Лада смотрела на цифру, чувствуя не страх, а обиду на собственное удивление. Она знала правила. Их не придумали для неё этим утром.

— Пять пунктов за почту?

— За риск, — ответил Роман. — На семь дней. Если не будет нарушений, три вернутся автоматически. Два — после рассмотрения советом.

— То есть за разрешённое действие меня наказывают.

— Рейтинг не наказание.

— Пока он высокий.

Роман надел куртку.

— Пока он высокий, он означает, что другие принимают твои решения без дополнительной проверки. Ты хочешь делать то, чего мы проверить не можем. Значит, часть доверия заменяется проверкой. Это не приговор.

— У тебя какой рейтинг?

Он замер у двери.

— Девяносто один.

— И сколько внешних адресов у тебя?

— Три служебных.

— Они следом не считаются?

— Считаются. Их видит совет.

— А мой увидит совет и всё равно снимет пункты.

— Потому что твой будет личным.

Роман ушёл, оставив дверь открытой. Из коридора по-

тянуло холодом и пылью. Лада закрыла журнал заявок и увидела на рабочей панели новое ограничение: операции с неподтверждёнными расхождениями теперь требовали второго оператора. Вчера она могла сама восстановить локальную копию маминой жалобы. Сегодня для этого понадобилась бы подпись Романа или ещё одного координатора.

Срок хранения копии не изменился. Семь дней.

Гостевая комната находилась в бывшей переговорной почты. Там стояли два стола, камера над дверью и один компьютер без внутреннего архива. На стене висели часы с красной секундной стрелкой. Ровно в шестнадцать дежурная Инга вставила аппаратный ключ и повернула к Ладе журнал.

— Сеанс шестьдесят минут. Камера пишет помещение, программа — экран и адреса. Пароли закрываются маской. Телефон подключать нельзя. Бумагу можно, после сеанса покажешь на выходе. Согласна?

— Согласна.

— Вслух полностью.

Лада прочла строку согласия. Инга отметила время и села за соседний стол чинить таблицу поставок. Она не смотрела на монитор Лады, но её присутствие делало каждый щелчок громче.

Внешняя страница института открывалась медленно и выглядела беднее сохранённой копии: белый фон, синие ссылки, фотография корпуса, снятая в дождь. Зато в правом верхнем углу была кнопка «Личный кабинет». Лада нажала.

Система запросила электронную почту.

Она открыла разрешённый шлюз «Берег». Имя можно было выбрать любое до знака @, если оно не занято. Лада попробовала lada.mezentseva — занято. lada.o.mezentseva — свободно.

На внутреннем адресе она была lada-m, узел два. Имя не требовалось писать полностью: сеть и так знала, кто она. Здесь полное имя пришлось собрать собственными руками, проверить латинские буквы и подтвердить, что оно будет видно незнакомой системе.

— Сорок восемь минут, — сказала Инга, не поднимая головы.

Лада придумала пароль длиннее требуемого, переписала резервный код на лист и вошла в кабинет института. Форма просила паспортные сведения, адрес регистрации, сведения об образовании. Поле «предыдущее место учёбы» не принимало её внутренний курс архивных операторов. В выпадающем списке были школы, колледжи и университеты. Она выбрала школьный аттестат.

На вопрос о дополнительной подготовке поставила «нет». Это было неправдой по смыслу и правдой по форме. Девять лет она вела версии документов, проверяла подписи, восстанавливала цепочки изменений. Но у её курса не было внешней лицензии, а у выданного «Контуром» свидетельства — номера, который принимала форма.

Лада загрузила скан аттестата. Потом паспорт. Затем фо-

тографию. На снимке, сделанном у белой стены мастерской, она выглядела сердитой: мать трижды просила убрать волосы, а Лада торопилась закончить до синхронизации.

Оставалось эссе из предварительной заявки. Система показала его в отдельном окне.

«Я работаю с архивными версиями девять лет и хочу получить системное образование, чтобы отличать подлинность документа от правильности содержащихся в нём сведений».

Она помнила, как написала эту фразу в июне. Тогда различие казалось красивым и чужим, найденным в описании программы. После маминой жалобы оно стало неприятно точным.

— Двадцать семь минут.

Форма потребовала номер телефона для срочных уведомлений. Личного внешнего номера у Лады не было. Она могла указать служебный номер узла, но все звонки на него регистрировались и распределялись дежурным. Могла оставить поле пустым — рядом стояла звёздочка обязательности.

— Инга, служебный номер можно для поступления?

— Если координатор указал в разрешении.

В разрешении были институтский адрес и почтовый шлюз. Телефон не упоминался.

Лада открыла справку. Для подтверждения подходил не только звонок, но и письмо. Мелкая ссылка «использовать электронную почту» находилась под кнопкой отправки кода. Она нажала её, получила шесть цифр и ввела в форму.

«Адрес подтверждён».

Ниже появилось ещё одно согласие — на обработку данных. Текст занимал пять экранов. Времени оставалось девятнадцать минут. Лада начала читать с конца: срок хранения, отзыв, передача третьим лицам. Потом вернулась к началу. Инга перестала стучать по клавишам.

— Обычно все сразу ставят, — сказала она.

— Обычно потом можно забрать обратно?

— Не знаю. Я просто время говорю.

Лада дочитала. Институт мог передавать сведения государственной системе учёта образования и оператору вступительных испытаний. Названия оператора в форме не было, только ссылка на отдельный перечень. Открытие ссылки не входило в разрешённые адреса и было заблокировано.

Она могла отложить отправку и запросить ещё один час. Тогда срок не срывался. Но Роман увидел бы новый адрес и новый повод для разговора. Мать к вечеру наверняка уже рассказала ему о плате и общежитии. Лада представила, как её поступление снова станет карточкой с уточнениями, а потом ранняя формулировка окажется единственной.

Она поставила согласие.

Форма приняла документы. На экране появился регистрационный номер АБ-20417 и предложение скачать расписку. Лада сохранила её в разрешённую папку передачи. Программа подсчитала контрольные суммы четырёх отправленных файлов и вывела список для Инги.

— Семь минут, — сказала та.

Лада открыла новую почту. В ящике лежали два письма: подтверждение адреса и уведомление института. Она хотела написать самой себе на внутренний адрес, проверить, пройдёт ли мост между двумя именами, но такого адреса в разрешении не было.

Вместо этого она создала черновик без получателя: «Регистрационный номер АБ-20417. Документы приняты 16 сентября». Черновик сохранился вне «Контура». Маленькая запись, которую никто внутри не мог исправить, если она сама не даст пароль.

Сеанс закончился ровно в семнадцать. Экран потемнел посреди страницы входящих.

Инга вынула ключ, сверила журнал адресов и попросила лист с резервным кодом. Лада показала его с обеих сторон.

— Забирай. Камера видела, что один лист.

— А расписка?

— Придёт в твою папку после проверки суммы.

В коридоре ждал Роман. Он держал в руках распечатку сеанса. Четыре отправленных файла, два полученных письма, ни одного выхода за разрешённые адреса.

— Всё? — спросил он.

— Всё.

— Телефон не указала.

— Подтвердила почтой.

Он кивнул, будто именно этого и ожидал. Потом протянул

распечатку для подписи.

Внизу стояла новая строка: «Внешний идентификатор создан: да».

— Это тоже в рейтинг? — спросила Лада.

— Это уже учтено.

— А если я поступлю?

— Тогда изменится твоя доступность для узла. Пересчитают нагрузку, лимит самостоятельных решений и долю семьи в общих заказах.

— Почему долю семьи?

— Потому что сейчас она рассчитана на трёх работающих участников.

— Мама работает за двоих.

— Поэтому у вас доля выше средней.

Лада подписала акт. Отдельные слова были ей знакомы, но вместе означали то, чего она не рассчитала: её время уже принадлежало не только ей, потому что было включено в семейный коэффициент. Даже неиспользованное время считалось обещанием.

— Вчера у мамы срок изменился, — сказала она. — С восемнадцатого на шестнадцатое.

Роман сложил акт пополам.

— В карточке с создания было шестнадцатое.

— Она говорит, что согласовывала восемнадцатое.

— Голосом. Заказчица ошиблась, когда называла. Я поднял запись распределения.

— Почему тогда мамина жалоба появилась после твоего ответа?

— Потому что она написала её в семейный канал раньше, а доставка задержалась до ночной синхронизации. Я увидел у неё на терминале и создал техническое обращение, чтобы оплату не заморозили.

Это объясняло пять минут. Не доказывало, что мать согласилась отказаться от доплаты.

— Ты спросил её про перерасчёт?

— Она сказала: лишь бы заказ не сняли.

— Это не то же самое.

— Для мастерской в тот момент — то же самое.

Роман убрал акт в папку.

— Ты оставила мою запись по правилу?

— Да.

— Тогда почему спрашиваешь меня после закрытия?

Лада сжала в кармане лист с резервным кодом. Во внешнем ящике лежал черновик, который существовал только в одной версии. Здесь каждое решение можно было объяснить процедурой, и объяснение делало его законным задним числом.

— Потому что правило выбрало более раннюю запись, — сказала она. — Не более полную.

— Запиши предложение к правилу. Рассмотрим в конце месяца.

Он произнёс это без насмешки. В «Контуре» действитель-

но рассматривали предложения. Лада сама два года назад добилась, чтобы семейные фотографии не попадали в обучающие подборки без отдельного согласия. На обсуждение ушло четыре месяца, зато после решения правило действовало для всех.

Роман пошёл к серверной. Лада осталась у гостевой комнаты. В кармане лежал код от места, куда он не мог войти. В служебной папке скоро появится расписка с контрольной суммой, и её подлинность смогут подтвердить все координаторы. Одно не отменяло другое.

На внутреннем терминале её профиль показывал семьдесят девять пунктов доверия. Под цифрой возникло первое практическое последствие: дежурство в воскресенье требовало подтверждения второго оператора.

В ближайшее воскресенье истекали семь дней хранения маминой жалобы.

Глава 3. Экзамен на источник

К двадцать четвёртому сентября Ладе вернули три пункта доверия. Цифра в профиле поднялась с семидесяти девяти до восьмидесяти двух без сообщения и без подписи: семь дней прошли, нарушений не было. Два остальных пункта ожидали совета.

Локальная копия маминой жалобы к тому времени исчезла.

В воскресенье Лада пришла на дежурство раньше Романа и до начала синхронизации открыла журнал временного хранения. Напротив файла стояло: «Удалён по сроку. Контрольная сумма акта — 7Е-44-Л». Восстановление требовало второго оператора, а второй оператор опоздал на девять минут. Когда Роман вошёл, срок уже истёк. Он посмотрел акт, сверил часы сервера и сказал, что система отработала правильно.

Лада не попросила его искать резервную копию. Она запомнила строку целиком.

Теперь, сидя в автобусе до Озёрного, она повторяла её вместе с регистрационным номером АБ-20417, временем испытания и адресом корпуса. На коленях лежала прозрачная папка с паспортом, аттестатом и распечатанной распиской. Бумаги она проверила трижды. Резервный код от внешней почты был переписан на обороте старого календаря и спря-

тан во внутренний карман куртки.

Автобус шёл два часа с пересадкой у промзоны. За окном тянулись склады, пустые поля и редкие посёлки с вышками связи. В «Контуре» карта области выглядела иначе: двенадцать узлов, соединённых линиями расписаний. Между ними не было ни складов, ни болот, ни людей, которым сеть была не нужна. Только задержка сигнала, стоимость передачи и цвет доступности.

Лада впервые ехала в Озёрный одна.

Институт занимал два крыла бывшего проектного бюро. На фотографии с сайта корпус казался серым прямоугольником, но вблизи оказался собран из разных времён: старый жёлтый кирпич, стеклянный тамбур, пристройка с пандусом, свежая синяя табличка. У входа курили двое молодых людей. Один держал телефон так свободно, будто тот не был ни пропуском, ни журналом, ни семейной долей, а просто вещью.

Лада пришла за пятьдесят две минуты. Охранница сверила паспорт со списком и выдала бумажный пропуск.

— Третий этаж, триста двенадцатая. Куртку можно не сдавать.

— Пропуск на выходе вернуть?

— Если не хотите оставить на память.

Лада не поняла, шутит ли она, и уточнять не стала.

Перед аудиторией стояли восемь человек. Самому младшему на вид было лет девятнадцать, самой старшей — около

пятидесяти. Женщина в зелёном пальто читала на телефоне, увеличивая текст двумя пальцами. Мужчина с папкой ходил от окна к лестнице и шептал определения: документ, реквизи́т, юридическая сила. Остальные молчали.

На двери висел лист: «Вступительное испытание. Анализ документа. Продолжительность — 90 минут». Ни слова о тесте, который Лада решала на сохранённой странице. Она достала расписку и сравнила кабинет. Номер совпадал.

В восемнадцать двадцать пять дверь открыла невысокая женщина с седой полосой в коротких волосах.

— Поступающие на вечернее документоведение, заходите. Паспорта оставьте на краю стола для сверки. Телефоны выключить, не перевести в беззвучный режим, а выключить. Кто не умеет — сейчас самое время узнать о своём аппарате новое.

Несколько человек засмеялись. Лада села во втором ряду. Телефона у неё не было, и пустое место на столе показалось слишком заметным. Она положила рядом с ручкой пропуск.

Женщина представилась Верой Алексеевной Сомовой, преподавателем архивоведения. Второй экзаменатор, Константин Ильич, сверял паспорта и отмечал явку. На доске уже были написаны три слова:

«Содержание. Происхождение. Статус».

— Перед вами будет не проверка памяти, — сказала Вера Алексеевна. — Хотя память пригодится. И не проверка кругозора. Мы не ждём, что вы знаете историю вымышлен-

ного учреждения. Вы получите набор записей и должны будете объяснить, что из них можно установить.

Она раздала серые конверты. На каждом стоял номер места. Ладе достался 07.

— Внутри пять листов. Не раскрывайте до команды. Можно делать пометки. Нельзя пользоваться справочниками. Последние пятнадцать минут — устный ответ по вызову. Если данных недостаточно, это тоже результат, но его придётся обосновать.

Лада провела пальцем по заклеенному клапану. Конверт был обычный, без контрольной полосы и подписи выдавшего. На лицевой стороне номер напечатан, а не вписан. Она посмотрела на соседей: мужчина с определениями уже приготовил часы, женщина в зелёном пальто выравнивала ручки.

— Начали.

В конверте лежали копии служебной записки, страницы журнала, электронного письма, акта и фотографии таблички на двери. Все относились к вымышленной фабрике «Маяк» и исчезновению ящика с измерительными приборами.

Служебная записка начальника смены утверждала, что ящик передали в лабораторию в шестнадцать десять. В журнале вывоза напротив того же номера стояло семнадцать сорок, пункт назначения — склад №2. Письмо заведующей лабораторией сообщало, что приборы к ней не поступали. Акт инвентаризации фиксировал недостачу на следующий день. На фотографии дверь склада №2 была опечатана полосой бу-

маги с датой предыдущей недели.

Лада читала быстро. Через семь минут она могла закрыть листы и повторить каждую строку. Через двенадцать составила последовательность событий.

В 16:10 начальник смены передал ящик в лабораторию. В 17:40 ящик вывезли на склад №2. Лаборатория его не получила. Наутро обнаружилась недостача. Следовательно, запись о лаборатории была ошибочной или прикрывала вывоз на склад. Поскольку склад оставался опечатанным, туда ящик не вносили. Значит, он исчез между цехом и складом, а запись в журнале создали после исчезновения.

Лада записала вывод и почувствовала знакомое облегчение. Пять разрозненных листов сложились в одну версию без пустых мест.

Потом она заметила даты печати внизу электронного письма. Письмо было распечатано через три дня после инвентаризации. Это ничего не меняло: дата отправки стояла прежняя. Она отметила различие.

На служебной записке не было входящего номера. Подпись начальника смены воспроизводилась как тёмное пятно. Страница журнала начиналась с середины таблицы, без обложки и названия подразделения. Фотография таблички не показывала ни сам склад, ни окружение.

Лада добавила: «Копии требуют сверки с подлинниками». Этого должно было хватить.

Через сорок минут Константин Ильич собрал письменные

ответы. Вера Алексеевна вызывала поступающих по номерам. Ответ проходил у преподавательского стола, но слышала вся аудитория.

Номер 03 сказал, что начальник смены украл приборы. Вера Алексеевна спросила, где это написано. Он показал на противоречие со складом.

— Противоречие доказывает кражу?

— Ну, не доказывает. Но логично.

— Логично кому?

Он вернулся на место красный.

Женщина в зелёном пальто, номер 05, отказалась делать вывод без оригиналов. Константин Ильич спросил, можно ли хотя бы установить, что пять листов существуют. Она ответила, что можно. Тогда он указал, что на экзамене перед ней не письмо и не акт, а их учебные копии. Женщина стала исправляться, запуталась в словах «копия копии» и села, прижав ладонь ко лбу.

— Номер 07, — сказала Вера Алексеевна.

Лада взяла свои записи, хотя не нуждалась в них.

— Из материалов следует, что ящик с измерительными приборами выбыл из цеха, но не поступил ни в лабораторию, ни на склад номер два. Начальник смены указал передачу в лабораторию в шестнадцать десять. В журнале вывоза зафиксирована отправка на склад в семнадцать сорок. Заведующая лабораторией сообщила, что приборы не получала. На следующий день комиссия установила недостачу. Склад был

опечатан с предыдущей недели, поэтому запись о помещении ящика на склад не соответствует фактической возможности доступа. Вероятнее всего, запись в журнале внесена для сокрытия исчезновения между цехом и складом.

Вера Алексеевна не перебивала.

— Всё запомнили? — спросил Константин Ильич.

— Да.

— Это видно.

Он поставил что-то в ведомости. Лада ждала следующего вопроса с той уверенностью, с какой ждала зелёной отметки после закрытия слепка.

— Откуда вы знаете, что служебную записку составил начальник смены? — спросила Вера Алексеевна.

— Это указано в реквизитах.

— Где вы видите реквизиты?

Лада положила перед ней первый лист.

— Должность под подписью. «Начальник второй смены А. В. Корин».

— Я вижу напечатанные слова и изображение подписи. Откуда появился этот лист?

— Из экзаменационного комплекта.

— До этого.

— В условии не указано.

— Тогда почему вы назвали его служебной запиской начальника смены, а не листом, который выглядит как служебная записка от его имени?

В аудитории за спиной Лады кто-то передвинул стул.

— Потому что иначе нельзя анализировать содержание задания.

— Почему нельзя?

— Можно перечислить внешние признаки. Но вопрос был о том, что произошло с ящиком.

— Вопрос был о том, что можно установить.

Лада посмотрела на доску. «Содержание. Происхождение. Статус». Она приняла первое слово за задачу, а два следующих — за требования к оформлению ответа.

— Хорошо, — сказала она. — Авторство записки не подтверждено. Но сведения можно сопоставить с журналом.

— Откуда журнал?

— Из того же комплекта.

— Это общее место хранения, а не происхождение.

— У страницы есть форма журнала вывоза.

— У неё есть таблица. Мы не знаем, кто её выгрузил, когда, из какой системы и была ли строка в системе до исчезновения ящика.

Лада почувствовала раздражение. Преподавательница задавала вопросы, на которые сама не дала ответа, а теперь превращала отсутствие данных в ошибку поступающей.

— Я отметила необходимость сверки с подлинниками.

— В последней строке. После вывода о сокрытии. Если подлинники не совпадут, что останется от вывода?

— Тогда вывод изменится.

— А до сверки какой у него статус?

— Предварительный.

— Вы так не написали.

Лада опустила глаза на свой лист. Слово «следовательно» стояло дважды. «Вероятнее всего» — один раз, перед обвинением неизвестного составителя журнала. Никакого «предварительно» не было.

— У нас в архиве, — начала она, — запись принимается по подписи оператора и времени включения в слепок. Если записи противоречат друг другу, действует более ранняя.

— Почему?

— Потому что поздняя может быть реакцией на раннюю.

— А ранняя не может быть подготовлена заранее, чтобы определить все последующие?

Лада вспомнила пять минут между записью Романа и маминой жалобой. Она не знала, когда мать произнесла слова «лишь бы заказ не сняли». Не знала, когда Роман решил превратить их в отказ от перерасчёта. Знала только время созданных карточек.

— Может, — ответила она.

— Тогда время включения — это факт о записи, не обязательно факт о событии.

— Да.

— Повторите ваш вывод так, чтобы не смешивать одно с другим.

Лада повернула к себе пять листов.

Она могла повторить их дословно. Могла назвать все несоответствия. Но, убрав предположение о происхождении, потеряла связный рассказ.

— В представленном комплекте есть копия листа от имени начальника смены, где указана передача ящика в лабораторию в шестнадцать десять. Есть фрагмент таблицы с записью о вывозе ящика на склад номер два в семнадцать сорок. Есть распечатка письма от имени заведующей лабораторией с утверждением, что ящик не поступал. Есть копия акта о недостатке и фотография опечатанной двери. Происхождение ни одного материала не описано. Поэтому установить перемещение ящика нельзя.

— Уже лучше, — сказала Вера Алексеевна. — Что всё-таки можно установить?

— Что версии противоречат друг другу.

— Какие версии?

— Лаборатория и склад.

— Нет. Вы опять дали названия версиям так, будто подтвердили их авторов. Назовите носители.

Лада перечислила листы ещё раз. На этот раз медленнее. Она услышала, как бедно звучит правильный ответ: комплект содержит пять изображений документов с такими-то утверждениями. Ни кражи, ни маршрута, ни виновного. Только границы доступного.

Константин Ильич снял очки.

— Вы где работали с документами?

— Девять лет в частном цифровом кооперативе.

— Архив?

— Семейные и рабочие записи. Еженедельные слепки, версии, контрольные суммы.

— Образование профильное?

— Внутренний курс операторов.

— Документ о нём есть?

В анкете Лада поставила «нет». Сейчас могла сказать, что есть свидетельство «Контура», просто институт не признаёт его номер. Но вопрос звучал иначе.

— Есть внутреннее свидетельство без внешней регистрации.

Константин Ильич кивнул и снова надел очки.

— Память хорошая. Навык сравнения есть. Границы вывода определяете после вывода, а не до него.

Это прозвучало хуже низкого балла. Низкий балл можно было оспорить по критериям. Его фраза описывала способ, которым Лада работала девять лет.

Вера Алексеевна достала из папки два листа и положила поверх экзаменационного комплекта.

— Дополнительное задание. Не для оценки, а для собеседования. Пять минут.

Первый лист был выпиской из журнала выдачи: ящик получил лаборант Круглов в 16:10. Второй — объяснением охранника: в 17:40 водитель увёз ящик со двора по распоряжению начальника смены. На обоих стояли подписи и печат-

ти, такие же убедительные, как на прежних копиях.

— Какая версия верна? — спросила Вера Алексеевна.

Лада прочла листы дважды.

— Они могут описывать два перемещения. Сначала в лабораторию, потом со двора.

— Могут. А могут?

— Относиться к разным ящикам с одним номером. Один из номеров может быть переписан ошибочно. Время могло быть внесено позже. Охранник мог передать чужие слова.

— Выберите наиболее вероятное.

Лада посмотрела на подписи. Если бы комплект попал в «Контур», система сравнила бы время создания, полномочия авторов и историю правок. Более ранняя подтверждённая запись стала бы основной, поздняя — дублем или уточнением. Пользователям не пришлось бы каждый раз открывать пять файлов.

Именно поэтому слепок можно было читать. Именно поэтому маминой жалобы в нём больше не было.

— Недостаточно данных, — сказала Лада.

— Это отказ от задания?

— Нет. Это выбор не делать одну версию основной.

Вера Алексеевна пододвинула к ней чистый лист.

— Тогда спроектируйте карточку хранения. Так, чтобы обе версии не слились и не уничтожили друг друга. Пользователь должен понимать, что известно, чего не хватает и что проверить дальше.

Пять минут были короче любого слепка. Лада провела вертикальную черту и разделила лист надвое. Слева записала: «Версия А: выдача лаборанту». Справа: «Версия Б: вывоз со двора». Под каждой указала носитель, заявленного автора, время события по тексту и отдельно — неизвестное время создания копии. Внизу оставила общие поля: номер ящика, подтверждённые совпадения, противоречия, отсутствующие данные.

Рука остановилась над строкой «статус».

Она написала в обеих колонках: «Не подтверждено».

Потом добавила поле, которого не было в «Контуре»: «Условия, при которых версия может быть опровергнута». Для первой — сверка полного журнала и полномочий Круглова. Для второй — исходная запись поста охраны и путевой лист машины. Ещё ниже: «Запрещено удалять как дубль до проверки связи между событиями».

— Время, — сказал Константин Ильич.

Лада отдала лист.

Он прочёл обе стороны карточки, хотя оборот был пуст. Вера Алексеевна задержалась на последней строке.

— Почему запрет на удаление?

— Потому что совпадение номера и предмета ещё не делает записи дублями. Если выбрать одну сейчас, мы потеряем не только второе утверждение. Мы потеряем сам факт расхождения.

— А чем факт расхождения полезнее чистой версии?

— Он показывает, где нужно проверять.

— И если проверить невозможно?

Лада хотела ответить, что тогда хранение будет бесконечным и архив захлебнётся в чужих ошибках. Именно это говорил Роман, когда вводили правило дублей: каждая семья писала одно и то же по-своему, за месяц объём передачи вырос почти вдвое, слабые узлы не успевали синхронизироваться. Чистая версия была не прихотью совета. Она сэкономила связь, время операторов и деньги.

— Тогда обе версии остаются с ограниченным статусом,
— сказала она. — Но срок хранения должен зависеть не от удобства архива, а от цены ошибки.

— Кто определяет цену?

— Пока не знаю.

Вера Алексеевна впервые улыбнулась, но не ободряюще, а словно слышала честную формулировку.

— Вот это и есть начало работы с источником. Не когда вы всё пересказали. Когда знаете, чего пока не вправе решить.

Она положила карточку рядом с ведомостью.

— Результаты придут на адрес, указанный в заявке, до пятницы. При условном зачислении будет подготовительный модуль. Вам он понадобится.

— Условном — это значит, я не сдала?

— Это значит, решение ещё не принято.

Лада слышала собственное раздражение в том, как быстро потребовала единственного статуса. Вера Алексеевна уже

назвала следующий номер.

В коридоре было темнее, чем до экзамена. На стеклянной двери отражался освещённый вестибюль, и улица за ним казалась пустой. Лада вернула пропуск охраннице.

— На память не оставляете? — спросила та.

— Нет. У меня нет доказательства, что его разрешили оставить.

Охранница посмотрела на неё, потом рассмеялась.

До автобуса оставалось сорок минут. Лада нашла в холле терминал общего доступа. Над клавиатурой висело предупреждение: не сохранять пароли, завершать сеанс, не загружать личные документы. Для входа во внешнюю почту разрешения «Контура» здесь не требовалось. Требовался только пароль, который знала она.

Лада ввела адрес `lada.o.mezentseva` и резервный код. В почте лежало уведомление института о явке на испытание. Больше ничего.

Она открыла тот самый черновик: «Регистрационный номер АБ-20417. Документы приняты 16 сентября».

Под строкой добавила:

«24 сентября. На экзамене я решила, что ящик исчез между цехом и складом. Доказать это по комплекту было нельзя. Существовали пять листов с противоречащими утверждениями; происхождение листов не было указано. Я получила дополнительное задание и сохранила две версии без выбора основной».

Перечитала и заметила: «получила задание» можно будет понять так, будто она его выполнила успешно. Оценки ещё не было.

Она исправила:

«Я предложила карточку двух версий. Реакция экзаменаторов не является результатом поступления».

Внизу поставила время по часам терминала и отдельно написала: «Запись сделана Ладой Мезенцевой со слов Лады Мезенцевой в день события».

Фраза показалась нелепой. Она была и автором, и свидетелем, и человеком, заинтересованным выглядеть лучше. Раньше это всё помещалось в одном имени.

Лада сохранила черновик, вышла из почты и очистила форму входа. На остановке она достала прозрачную папку. В расписке был указан приём документов, но не то, что испытание состоялось. Бумажного подтверждения явки ей не дали. Можно было вернуться и попросить. До отправления оставалось двенадцать минут.

Она вернулась.

Охранница уже закрывала журнал посетителей.

— Мне нужно подтверждение, что я была на испытании.

— Результат в пятницу придёт.

— Результат подтвердит оценку. Мне нужна явка.

— Для работы?

Лада почти сказала «для семьи». Вместо этого ответила:

— Для записи, которая от меня не зависит.

Охранница позвала Константина Ильича. Он спустился с третьего этажа в расстёгнутом пиджаке и выслушал просьбу.

— Справки об участии мы не готовим. В ведомости вы есть.

— Можно копию строки?

— Там данные других поступающих.

— Выписку по моему номеру?

Он посмотрел на часы.

— Зачем вам сегодня?

— Потому что завтра я смогу только рассказать, что была здесь.

Константин Ильич вздохнул и взял её расписку. На обороте написал: «Испытание по анализу документа пройдено 24.09, работа принята», поставил время, подпись и штамп учебной части.

— Это не справка о результате, — сказал он.

— Я понимаю.

— И не гарантия зачисления.

— Я понимаю.

Теперь понимала.

Автобус она пропустила. Следующий шёл через час двадцать. Лада сидела на холодной скамье у вокзала, держала расписку на коленях и смотрела, как чернила медленно перестают блестеть.

Роман встретил её у узла после полуночи. Последний рейс из Озёрного высадил пассажиров на трассе, откуда при-

шлось идти три километра. На Ладе промокли ботинки, а прозрачная папка под курткой осталась сухой.

— Почему не сообщила, что опоздаешь? — спросил он вместо приветствия.

— У меня нет внешнего телефона.

— На вокзале есть служебный терминал.

— Я не знаю наш внешний адрес наизусть.

Роман открыл дверь узла. Ночной коридор освещали только аварийные полосы вдоль пола.

— Как прошло?

— Результата ещё нет.

— Я спросил не результат.

Лада вынула расписку и показала запись на обороте.

— Вот что подтверждено: я была на испытании, работу приняли.

Он прочитал строку.

— А остальное?

— Остальное моя версия.

— Очень смешно.

— Я не шучу.

Роман вернул бумагу.

— Маме скажи хотя бы свою. Она ждала до одиннадцати.

В семейной комнате горел свет. Мать спала на диване, не сняв рабочий фартук. На столе стояли две тарелки под перевёрнутыми мисками. Рядом лежала распечатка заказа 44-Л: заказчица согласилась на частичную доплату после повтор-

ного обращения. Сумма была меньше той, о которой просила мать, но больше нуля.

На полях её почерком было написано: «Исправили без старой жалобы».

Лада присела рядом. Мать открыла глаза сразу, будто не спала.

— Взяли?

— Решение в пятницу.

— А ты как думаешь?

Лада могла рассказать экзамен как завершённую историю: сначала она ошиблась, потом поняла задание и удивила преподавателей карточкой двух версий. В этой истории опоздание на автобус становилось ценой нового знания, а подпись на расписке — первым внешним документом, добытым самостоятельно. Всё складывалось слишком хорошо.

— Я хорошо запомнила материалы, — сказала она. — Но сделала вывод, которого они не доказывали. Потом мне дали ещё одно задание. Не знаю, засчитают ли его.

Мать приподнялась на локте.

— Ты всегда всё помнила лучше всех.

— Оказалось, помнить — не то же самое, что знать.

— Для этого обязательно ездить в другой город?

Вопрос прозвучал без упрёка. Мать взяла распечатку 44-Л и провела ногтем по своей пометке.

— Роман снова написал заказчице, — сказала она. — Она признала, что про шестнадцатое говорили. Про доплату не

говорили. Получилось пополам.

— Ты согласна?

— С деньгами согласна. С тем, как решили, — нет.

— Хочешь, я сохраню обе версии отдельно?

Мать посмотрела на неё внимательнее.

— Где?

Лада представила внешний черновик, пароль от которого лежал у неё в кармане. Она могла записать туда мамину жалобу по памяти. Но тогда запись принадлежала бы Ладе, а не матери, и существовала бы вне места, куда мать согласилась помещать рабочие сведения.

— Пока нигде, — ответила она. — Сначала надо решить, кто имеет право это хранить.

— Вот и решай про своё, — сказала мать. — Моё без меня не выноси.

— Не вынесу.

Мать легла обратно и закрыла глаза. Через минуту её дыхание стало ровным.

Лада отнесла расписку к своему терминалу. Сканировать внешний документ в семейный архив можно было только с указанием цели. В поле она написала: «Подтверждение участия во вступительном испытании». Не «поступление», не «образование», не «личное дело». Только то, что доказывала подпись.

Система предложила связать файл с заявкой 2-193 и пометила его как внешний источник. Лада подтвердила связь.

Затем открыла карточку и увидела кнопку «создать альтернативную версию».

Раньше она пользовалась ею для исправленных счетов и договоров. Альтернативная версия должна была заменить предыдущую после проверки. Две активные версии одного события интерфейс не допускал.

Лада создала пустой шаблон, но вместо загрузки нажала «предложить изменение формы».

В поле обоснования написала:

«Для записей, которые совпадают по объекту, но расходятся по содержанию, нужен статус “неразрешённое расхождение”. До подтверждения происхождения ни одна версия не должна автоматически становиться основной. Следует хранить автора утверждения, автора записи, время события, время создания и условия проверки отдельно».

Форма потребовала пример. Она ввела не заказ 44-Л и не мамину удалённую жалобу, а учебный ящик с приборами. Вымышленный материал никого не обвинял и всё равно показывал ошибку правила.

Перед отправкой система предупредила: предложения, влияющие на объём слепка, рассматриваются советом только с расчётом стоимости хранения.

Лада добавила: «Срок можно назначать по цене возможной ошибки и согласию участников, а не делать бессрочным».

Она отправила предложение. Карточка получила номер

ПФ-118 и статус «ожидает расчёта».

В профиле по-прежнему было восемьдесят два пункта доверия. Два спорных пункта совет рассматривает в конце месяца вместе с неполной целью гостевого часа. Возможно, теперь рядом окажется предложение, из-за которого каждый недельный слепок станет тяжелее.

Лада выключила терминал. Внешний черновик хранил её рассказ об экзамене. Внутренняя расписка подтверждала только явку. В совете лежало предложение изменить форму. Три записи об одном вечере не совпадали и не обязаны были совпасть.

До пятницы оставалось два дня.

Глава 4. Семейный аккаунт

Письмо пришло в пятницу в 10:14, когда Лада принимала у третьего узла повреждённый слепок.

Внутренний терминал показал только уведомление внешнего шлюза: одно новое сообщение на адресе lada.o.mezentseva. Ни отправителя, ни темы. До ближайшего гостевого сеанса оставалось пять дней.

Лада перечитала короткую строку, закрыла её и вернулась к контрольным суммам. Третий узел передал шесть частей из семи; последняя оборвалась после ночного отключения. По правилам следовало запросить повтор целиком, но семья Костиных платила за объём по слабому каналу. Лада сверила шесть полученных частей, запросила только седьмую и добавила к карточке причину частичной передачи.

До экзамена она считала бы это доказательством исправности всего слепка. Теперь написала точнее: «Шесть частей совпадают с заявленными суммами. Седьмая не проверена».

В 10:37 пришло второе уведомление.

Роман сидел за соседним столом и составлял расписание операторов. Он поднял глаза на звук.

— Институт?

— Внешняя почта.

— Значит, институт.

— Или подтверждение от шлюза.

— У тебя там много корреспондентов?

Лада не ответила. Он прав: кроме института, адрес никто не знал. Но право угадать не превращало догадку в прочитанное письмо.

В 11:02 Роман закрыл расписание и повернул к ней экран.

— На следующую неделю тебя ставить как обычно?

— Пока да.

— Пока — до какого события?

— До результата.

— Результат уже пришёл.

— Уведомление пришло. Результат я не читала.

— Для расчёта это одно и то же.

Он говорил спокойно, но в таблице рядом с её именем уже стояли два варианта. В первом Лада работала пять смен и одно воскресное дежурство. Во втором три вечера были перечёркнуты, суббота сдвинута, а напротив матери появилась жёлтая полоса.

— Что это?

— Предварительный график, если занятия по опубликованному расписанию программы: понедельник, среда, пятница с шести тридцати. Ты сама приложила страницу к заявке.

— Расписание было справочным.

— Поэтому предварительный.

— А жёлтая полоса у мамы?

— Семейный коэффициент.

Лада приблизила таблицу. Внизу были четыре колонки: доступные часы, гарантированный объём заказов, скидка на связь, резерв взаимопомощи. Сейчас семья Мезенцевых учитывалась как трое работающих взрослых. Если Лада выпадала из трёх вечерних окон, доступность снижалась на двадцать один час в месяц. Гарантированный объём швейных заказов матери — на двенадцать процентов. Скидка на передачу тяжёлых выкроек — с восемнадцати до девяти. Резерв оставался прежним только два месяца, затем пересчитывался.

— Почему мамины заказы зависят от моих вечеров? Она работает днём.

— Потому что семейный аккаунт отвечает за заказ целиком. Ты проверяешь файлы, она шьёт, я подтверждаю расчёты и передачу. Заказчики покупают не только её часы у машины, а доступность семьи.

— Я проверяю её файлы два часа в неделю.

— В среднем. А когда ломается выкройка — ночью.

— Можно перевести проверку другому оператору.

— Можно. Тогда часть оплаты уйдёт его семье.

— Какая часть?

Роман открыл ещё один лист. В нём всё уже было рассчитано: при передаче проверок семье Костиных Мезенцевы теряли меньше гарантированных заказов, но платили комиссию за сопровождение. При найме отдельного оператора сохраняли статус, однако первые три месяца уходили в минус.

Если Лада оставалась в графике и пропускала занятия, коэффициент не менялся.

Три варианта. Ни одного, где её время просто переставало считаться общим.

— Когда ты это сделал?

— После твоей заявки.

— До экзамена?

— Расчёт занимает пятнадцать минут.

— И маме показал?

— Нет.

— Почему?

— Потому что результата не было.

— Результата и сейчас нет.

Роман развернул экран обратно.

— Поэтому показываю тебе, а не ей.

Лада сохранила повреждённый слепок третьего узла и встала.

— Мне нужен гостевой доступ к письму.

— В заявке был один сеанс.

— Тогда подам новую.

— Подавай. Сегодня свободное окно в четырнадцать де-сять.

Он не задержал её и не потребовал сначала обсудить расчёт. От этого таблица казалась убедительнее: Роман не за-прещал учёбу, он только заранее расставлял цену по стро-кам.

Заявка 2-206 прошла автоматически. Цель Лада написала полностью: «Чтение результата вступительного испытания и, при наличии, условий зачисления». Разрешённые адреса — почтовый шлюз «Берег» и институт. Длительность — тридцать минут. Рейтинг не изменился.

В два часа Инга снова вставила аппаратный ключ в гостевой компьютер.

— В этот раз без паспорта и загрузок, — сказала она. — Почта, институт, тридцать минут. Бумагу можно.

— Принтер?

— Если страница разрешает печать. Контрольная копия уйдёт в твою папку.

В ящике лежали два письма. Первое, отправленное в 10:13, называлось «Результат вступительного испытания». Второе — «Документы для условного зачисления».

Лада открыла первое.

Письменная часть: 46 баллов из 60. Собеседование: 21 из 40. Итого: 67. Минимальный балл — 60.

Ниже шёл комментарий комиссии: «Высокая точность воспроизведения содержания и уверенное обнаружение явных противоречий. Недостаточное различие реквизитов копии и доказанного происхождения; преждевременная атрибуция и причинный вывод. Рекомендован вводный модуль “Критика источника”».

Лада прочла комментарий дважды. Слово «недостаточное» не менялось. Балл тоже.

Второе письмо предлагало условное зачисление на один семестр. До 30 сентября нужно было подписать договор, оплатить первую часть обучения либо подать заявление на рассрочку, пройти вводный модуль и подтвердить возможность очного присутствия три вечера в неделю. После первой сессии статус пересматривался. При неудовлетворительной оценке по критике источника институт мог расторгнуть договор без перевода на второй семестр.

В приложении лежало расписание. Понедельник, среда, пятница, 18:30–21:20. Роман угадал точно.

Стоимость обучения была ниже той, которой боялась мать, и выше суммы на личном счёте Лады. Рассрочка делила платёж на четыре части. Первую она могла внести сама, если обменяет почти весь внутренний остаток на внешние деньги. Для второй пришлось бы брать дополнительные архивные смены — именно в те вечера, когда шли занятия.

Инга сказала:

— Двадцать две минуты.

Лада нажала «распечатать» для обоих писем, договора и расписания. Принтер за стеной зашумел. Затем открыла заявление на рассрочку. Поля спрашивали доход за последние три месяца и работодателя.

«Семейный цифровой кооператив “Контур”» не был зарегистрирован как её работодатель. Деньги приходили от семейного аккаунта за внутренние операции и обменивались через общий расчётный центр. В справке о доходах платель-

щиками значились разные семьи и мастерские.

Она сохранила форму, не заполняя.

Кнопка «Принять предложение» оставалась активной. Под ней мелким шрифтом было сказано: электронное подтверждение не заменяет договор и не создаёт обязанности оплаты до его подписания.

Лада нажала.

Статус кабинета сменился на «Предложение принято. Ожидаются документы».

Это ещё не было зачислением. Но уже было её действием, зарегистрированным вне «Контура».

— Четырнадцать минут.

В почте появился автоматический ответ. Лада дописала в свой черновик баллы, рекомендацию модуля и точную формулировку статуса. Затем создала новое письмо на адрес учебной части:

«Прошу уточнить, какие документы принимаются для подтверждения дохода при работе без единого работодателя и получении вознаграждений от нескольких заказчиков».

Она не упомянула закрытую сеть и семейный аккаунт. Не скрыла их — вопрос формы пока не требовал объяснения устройства «Контура».

Ответить до окончания сеанса не успели.

Инга принесла распечатки и акт. На первой странице результата рядом с 67 баллами стоял код проверки. На договоре имя автора документа не было указано: только институт

и должность подписанта в будущем. Лада машинально отметила пустое поле карандашом.

— Что, ошибка? — спросила Инга.

— Пока нет. В договоре сторона — институт. Конкретный составитель может не требоваться.

— Ты после экзамена по-другому разговариваешь.

— Хуже?

— Дольше.

Лада сложила листы в папку.

На выходе Роман не ждал. Она вернулась в операторскую и нашла его у шкафа с резервными ключами.

— Шестьдесят семь, — сказала она.

— Из скольких?

— Из ста. Проходной шестьдесят. Условное зачисление на семестр и обязательный вводный модуль.

Он закрыл шкаф.

— Поздравляю.

Лада ожидала «но». Роман взял у неё расписание, сверил вечера со своей таблицей и вернул.

— Значит, второй вариант графика.

— Я ещё не подписала договор.

— Ты собираешься?

— Да.

— Тогда второй.

— Мы сначала поговорим с мамой.

— Конечно.

— И не будем показывать ей готовый расчёт как единственно возможный.

— Там три варианта.

— Все три сделал ты.

— Сделай четвёртый.

Лада забрала его таблицу и договорилась встретиться после маминой смены.

До вечера она пыталась составить четвёртый вариант. Сократила свои ночные дежурства, перенесла проверку маминых файлов на утро, предложила обучить мать самостоятельно сверять контрольные суммы. Получалось лучше, пока она не учла поездки: автобус в Озёрный уходил в 15:40, обратный приходил после полуночи. Три дня в неделю выпадали почти целиком. Можно было ночевать в городе и возвращаться утром, но тогда требовалось жильё.

Она добавила строку «койка/комната» и увидела, что первая рассрочка — меньшая из расходов.

Мать пришла в семь с рулоном ткани под мышкой. Роман уже накрыл стол бумагами. Лада поставила чайник, но никто не стал ждать, пока он закипит.

— Прошла? — спросила мать.

— Проходной балл набрала. Зачисление условное на первый семестр.

Мать прижала рулон к груди.

— Условное — это как испытательный срок?

— Да. Нужно пройти дополнительный модуль. И договор

подписать.

— Платный?

Лада назвала сумму за семестр и четыре платежа. Мать села.

— У тебя есть столько?

— На первый платёж есть. На остальные заработаю или подам рассрочку.

— Рассрочка и есть четыре платежа?

— В договоре — да. Но они могут попросить подтверждение дохода.

Роман подвинул к ней свою таблицу.

— Есть ещё расходы и изменение заказов.

Лада положила ладонь на лист.

— Сначала расскажу я.

Он убрал руку.

Она объяснила расписание, дорогу, подготовительный модуль и риск не пройти первый семестр. Не сказала, что почти весь личный остаток уйдёт сразу: это было видно в приложенном расчёте. Не назвала обучение спасением или единственным шансом. Когда факты закончились, мать спросила:

— А зачем им наш семейный аккаунт?

— Им — незачем. Это наш расчёт.

Лада отпустила таблицу.

Мать читала медленно, водя пальцем по строкам. На двенадцати процентах остановилась.

— Это у меня заказы снимут?

— Гарантированный объём уменьшится. Не обязательно фактический.

— В прошлом месяце без гарантированных у меня было два.

— Потому что сезон.

— Мне не сезон объяснять, мне ткань покупать.

Роман повернул к ней второй лист.

— Если проверки возьмут Костины, потеря будет около пяти процентов после комиссии. Я с ними предварительно не говорил.

— А скидка на выкройки?

— Девять вместо восемнадцати.

— Значит, ещё девять сверху.

— Только на передачу тяжёлых файлов.

Мать посмотрела на Ладугу.

— Ты знала?

— Что аккаунт пересчитают — знала. Сколько именно — нет.

— Когда подавала?

— Нет.

— А Роман знал?

— Правило знал, — сказал он. — Её расписания и стоимости не знал.

Мать отодвинула таблицу.

— Получается, опять всё по правилам и опять я узнаю

последняя.

— Поэтому мы сейчас говорим до договора, — сказала Лада.

— После того как ты уже согласилась учиться?

— Я приняла предложение. Договор не подписала.

— Какая разница?

Лада могла объяснить юридическую разницу и показать строку под кнопкой. Вместо этого сказала:

— Для института большая. Для тебя, наверное, маленькая.

Чайник выключился. В тишине щёлкнуло реле.

Мать развернула расчёт обратно к себе.

— Если ты не пойдёшь, всё останется?

— По текущему правилу — да.

— А если пойдёшь, ты будешь платить за учёбу, комнату и дорогу, а я потеряю заказы.

— Часть заказов.

— Часть денег настоящая, даже если в таблице она процент.

— Да.

Роман поставил перед ними три кружки.

— Есть переходный резерв на два месяца. За это время можно закрепить другого оператора и вернуть гарантию.

— За комиссию, — сказала мать.

— Да.

— Ты за то, чтобы она ехала?

Он не ответил сразу.

— Я за то, чтобы решение считало последствия.

— Это не ответ.

— Я не могу быть за или против вместо неё.

— Зато таблицу можешь.

Роман посмотрел на Ладу, будто предупреждал: вот что происходит, когда расчёт показывают без готового решения. Она почувствовала желание защитить его — объяснить, что он сделал полезную работу и никого не обманывал. Потом заметила, как мать держит кружку обеими руками, хотя чай был горячим.

— Есть ещё четвёртый вариант, — сказала Лада.

Она показала свой лист. Утренние проверки, обучение матери, сокращение ночных смен. Мать дошла до строки с дорогой и жильём.

— Здесь вопросительные знаки.

— Потому что я не знаю цену комнаты и точное время практики.

— Тогда это не вариант.

— Это то, что нужно выяснить.

— А платить до тридцатого.

— Первый платёж я внесу из своего остатка.

— Из семейного.

— Из моего личного счёта.

Мать подняла голову.

— Он откуда взялся?

— Я заработала на архивных сменах.

— Пока жила здесь, ела здесь и сидела на нашей связи.

Лада почувствовала, как разговор сужается до одного из двух ответов: всё семейное или всё личное. В «Контуре» для этого существовали точные поля. Семейный аккаунт оплачивал базовую связь, жильё и общий резерв. Личный счёт принимал вознаграждение за дополнительные операции. Но без семейной инфраструктуры эти операции были невозможны. Оба утверждения были верны и не складывались в простую долю.

— Деньги числятся моими, — сказала она. — Но я понимаю, что заработала их внутри общего аккаунта.

— Понимаешь — и забираешь.

— Да. На учёбу.

Мать отвернулась к окну.

Роман раскрыл правила семейного аккаунта.

— Личный остаток не входит в обязательства семьи. Мы не можем запретить расход.

— Я тебя не спрашивала, что мы можем запретить.

— А что спрашиваешь?

— Почему я должна радоваться, что дочь нашла правило, по которому можно уйти с нашими деньгами.

Лада встала, чтобы убрать чайник, хотя он никому не мешал. У раковины можно было не смотреть на мать.

— Я не прошу радоваться.

— А что просишь?

Она повернулась.

— Не делать вид, что единственный способ сохранить твои заказы — чтобы я не училась.

— Пока это единственный способ без потерь.

— Без изменений, — поправил Роман. — Потери у аккунта бывают и сейчас. Если Лада заболит или возьмёт другой заказ, доступность тоже упадёт.

— Но она не заболела. Она сама выбрала.

— Да, — сказала Лада. — Сама.

Мать сжала губы. Простое признание оказалось жестче оправдания.

— Тогда зачем этот совет? — спросила она. — Езжай и всё.

— Потому что я не хочу узнавать цену после того, как её заплатишь ты.

— Уже узнала.

— Мы можем уменьшить её. Но не до нуля.

Мать собрала листы в неровную стопку.

— И что от меня нужно?

Лада посмотрела на Романа. Он едва заметно покачал головой: отвечай сама.

— Решить, готова ли ты передать проверку Костиным на два месяца. И хочешь ли учиться делать её сама. Это снизит комиссию позже.

— А если не готова?

— Я буду искать оплачиваемые смены в другое время и

более дешёвое жильё. Заказы всё равно могут уменьшиться.

— То есть моего «нет» нет.

— На мою учёбу — нет. На передачу твоих файлов Костиным — есть.

Мать долго смотрела на неё. Потом спросила:

— А мои жалобы тоже повезёшь учиться показывать?

Вопрос был подготовлен всем разговором, но Лада всё равно почувствовала удар.

— Нет.

— На экзамене ты уже рассказывала про наш архив?

— Я сказала, что работаю в частном цифровом кооперативе с недельными слепками. И объяснила правило более ранней записи. Без имён и без заказа.

— Значит, рассказывала.

— Про устройство работы, не про твою жалобу.

— Для тебя разница есть. Для меня это одно место.

Роман вмешался:

— Учебные задания могут потребовать примеры практики. Полный запрет означает, что Ладе придётся скрывать опыт или отказаться от части курса.

— Я у неё спрашиваю.

Лада села обратно.

Во внешнем черновике уже существовала фраза о маминской удалённой жалобе — не содержание, но сам факт. В первой записи после экзамена она написала только о учебном комплекте. В continuity её жизни, если бы такой файл суще-

ствовал, заказ 44-Л связывал все три главы. Но мать не давала согласия быть частью чьей-либо учебной истории.

— Я не буду выносить семейный архив, твои документы, заказы или сообщения без согласия того, кого они касаются, — сказала Лада. — Ни преподавателям, ни в задания, ни во внешний архив.

— И про меня писать не будешь?

— Без твоего согласия — не буду передавать твои сведения. Но я не могу обещать никогда не говорить о собственном опыте.

— Красиво разделила.

— Иначе обещание будет ложным. Если я скажу, что никогда не упомяну семью, я не смогу рассказать даже о том, где работала и почему поступила.

— Тогда какое у меня право?

— Не отдавать мне свой голос. Не подтверждать мою версию. Требовать удалить твои материалы, если я их сохранила без спроса.

Мать постучала ногтем по столу.

— А ты удалишь?

— Да.

— Даже если они доказывают, что Роман был неправ?

Лада увидела перед собой локальную копию жалобы, которой уже не существовало. Если бы она восстановила текст по памяти, могла бы сохранить доказательство несправедливого перерасчёта. Но это было бы её свидетельство о мамин-

ном сообщении, а не мамин документ.

— Если это твои материалы и ты не согласна на хранение — удалю. Я могу отдельно записать, что сама видела и что помню. С пометкой, что это моя версия.

— Значит, всё равно оставишь.

— Своё — да.

Мать повернулась к Роману.

— Ты слышал?

— Слышал.

— И тебя устраивает?

— Меня устраивает, что она не обещает невозможное.

— Вас обоих послушать — я одна здесь всё понимаю неправильно.

Она взяла рулон ткани и ушла в мастерскую. Дверь закрылась без хлопка.

Лада стала собирать кружки.

— Не трогай пока, — сказал Роман.

— Что?

— Ни расчёт, ни заявку, ни маму. Дай ей закончить заказ.

— До тридцатого четыре дня.

— У неё срок завтра.

— Опять срок важнее разговора?

— Для неё сейчас — да. Если она не сдаст заказ, таблица станет хуже независимо от тебя.

Лада оставила кружки.

— Ты заранее решил, что я пойду.

— Я заранее посчитал вариант, в котором ты пойдёшь.

— И поставил меня в график так, будто решение принято.

— В один из двух графиков.

— Ты всегда можешь показать вторую версию и сказать, что ничего не выбирал.

Роман устало провёл ладонью по лицу.

— Ты правда хочешь, чтобы я ждал пятницы, потом удивился расписанию и сказал: поздравляю, теперь разберёмся? Кооператив держится на том, что последствия считают раньше.

— А люди когда выбирают?

— После расчёта. Если им хватает честности на него посмотреть.

Он собрал свои листы, оставив Ладе её четвёртый вариант.

— Семейный аккаунт не тюрьма, Лада. Из него можно выйти.

— Что тогда случится?

— Твой личный счёт отделят. Доступ к архиву ограничат рабочими задачами. Базовую связь будешь оплачивать сама. Семья потеряет коэффициент сразу, без двухмесячного резерва, потому что выход — не изменение доступности, а изменение состава.

— Вот именно.

— Что именно?

— Выйти можно, если согласен, что другие заплатят боль-

ше.

— В любой общей системе выход что-то меняет для оставшихся.

— И поэтому они могут назвать мой выбор ущербом.

— Могут. А ты можешь всё равно уйти. Свобода не делает последствия чужими.

Он ушёл в операторскую.

Из мастерской донёсся стук машины. Мать уже работала.

Лада открыла правила семейного аккаунта. Роман показал ей раздел о составе, но ниже был пункт о временном изменении участия: семья могла на один учебный период сохранить коэффициент, если недостающие часы компенсировались обучением нового участника и резервным взносом. Заявление требовало согласия всех взрослых членов аккаунта.

Это не отменяло потерь. Резервный взнос был почти равен второй части оплаты института. Зато скидка на передачу сохранялась, а гарантированный объём снижался не на двенадцать, а на четыре процента.

Роман не включил этот вариант в таблицу.

Лада перечитала условия. Пункт относился к внешнему очному обучению, службе по уходу и длительному лечению. Для него требовалась копия договора с организацией и расписание. Сведения попадали в совет узлов и хранились пять лет.

Она нашла Романа в серверной.

— Почему нет учебного периода?

Он не спросил, о чём она.

— Потому что нужен резервный взнос.

— Это должна решать семья.

— Взнос съест деньги на твою вторую оплату.

— Это мои деньги или семейные?

— В заявлении плательщиком будет семейный аккаунт.

— Но внести могу я.

— Можешь.

— Тогда почему ты решил, что вариант не подходит?

Роман закрыл панель охлаждения.

— Потому что через два месяца ты останешься без денег, а мать — с тем же риском. Я показал варианты, которые выдерживают семестр.

— Ты не показал вариант, который сохраняет ей заказы сейчас и даёт мне два месяца найти работу в Озёрном.

— Работу без диплома и внешней истории дохода?

— Может быть.

— Это не расчёт.

— Это неизвестное. Не ноль.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Экзамен всё-таки чему-то научил.

— Не ставить твою наиболее вероятную версию основной.

Роман усмехнулся одним углом рта.

— Добавляй пятый вариант. С рисками, не только с надеждой.

Они вернулись к столу. Лада внесла резервный взнос, че-

тырёхпроцентное снижение гарантии и обязательство обучить мать проверке файлов. В графе «источник оплаты после второго месяца» написала: «не подтверждён». В графе проверки — «ответ института о справке доходов; поиск смен в Озёрном; стоимость жилья». Роман добавил срок для каждого пункта.

— Маме покажем после заказа, — сказал он.

— Завтра утром.

— После сдачи.

— Хорошо.

Это было не согласие на учёбу и не семейное решение. Только согласованный момент следующего разговора.

Перед сном Лада открыла карточку заявки 2-206. Контрольные копии писем уже лежали во внутренней папке. Результат экзамена и предложение зачисления были её документами, но договор содержал будущие расходы семьи. Она ограничила доступ к письмам собой и Романом, а договор вынесла в отдельную карточку семейного решения. Мать получит доступ утром до обсуждения.

Потом Лада открыла предложение ПФ-118. Статус изменился с «ожидает расчёта» на «требуется пример из действующего архива». Учебный ящик совету показался недостаточным основанием менять форму.

Кнопка предлагала прикрепить реальное расхождение.

Самым точным примером была жалоба матери и запись Романа. Одной версии уже не существовало. Вторая лежала

в слепке как основная. Лада могла описать удалённый текст по памяти, приложить акт удаления и показать цену правила на конкретном заказе.

Обещание, данное матери час назад, не оставляло места для такого выбора.

Лада закрыла предложение без приложения. В поле внутренней заметки, недоступной совету, написала: «Запросить у участников отдельное согласие либо найти расхождение, не содержащее семейных данных».

Затем открыла договор института. До срока оставалось четыре дня. Для подписи нужны были деньги, расписание поездок и согласие семьи только на переходный режим аккаунта — не на саму учёбу.

Лада поставила три задачи с разными владельцами:

«Лада — найти подтверждение дохода и жильё».

«Роман — проверить расчёт переходного режима».

«Мама — решить только по своим заказам и обучению проверке».

Она не создала задачу «семья — разрешить Ладе учиться».

Система потребовала назначить владельца карточки. Лада выбрала себя.

Глава 5. Пустое поле автора

Вводное задание пришло в субботу утром, когда Лада учила мать отличать контрольную сумму от размера файла.

Мать сидела за кухонным столом перед старым терминалом и не хотела называть это учёбой. Она называла это «покажи ещё раз», хотя Лада показывала уже в четвёртый. На экране лежали три версии выкройки: исходная, исправленная заказчицей и подготовленная к резке. У двух совпадал размер, у двух — дата, а контрольная сумма не совпадала ни у каких.

— Если цифры разные, значит, файлы разные, — сказала мать.

— Да.

— Тогда зачем мне всё остальное?

— Чтобы понять, чем именно.

— Мне не надо понимать. Мне надо не отправить старую пройму.

Лада хотела возразить, что без понимания мать однажды выберет файл с правильным названием и неправильным содержанием. Но именно так объяснял Роман: сначала худший случай, потом правило. Мать от таких объяснений переставала слышать на втором предложении.

— Вот этот файл ты отправила бы? — спросила Лада.

Мать выбрала самый поздний.

— А теперь открой примечание заказчицы.

В примечании стояло: «Последнюю правку не учитывать, возврат к версии 7».

Мать посмотрела на Ладу и отодвинула мышь.

— Поэтому ты и нужна.

— Поэтому мы учимся проверять не только дату.

— Мы не учимся. Ты показываешь, где смотреть.

Терминал звякнул внешним уведомлением. Мать сразу убрала руки со стола, будто письмо пришло не Ладе, а проверяющему.

В кабинете института появилось задание подготовительного модуля. До понедельника требовалось выбрать рабочую инструкцию старше пяти лет и заполнить карточку происхождения: название, автор, дата создания, редакторы, основание каждой правки и текущий владелец документа. Если поле установить невозможно, следовало описать поиск и причину неопределённости.

Ниже Вера Алексеевна добавила одну строку: «Слово “общая” не является сведением об авторстве».

Лада перечитала её дважды.

— Плохое? — спросила мать.

— Обычное.

— У тебя лицо как после счёта.

— Нужно разобрать старую рабочую инструкцию.

— Так у нас их полно.

Мать вернула себе мышь и открыла следующий файл вы-

кройки. Для неё вопрос был закрыт. Лада же уже перебирала внутренние документы. Большинство действующих инструкций переписывали ежегодно, а ранние редакции оставались в недельных слепках. Самой старой из тех, которыми она пользовалась каждый день, была «Подготовка подписанной выгрузки для внешнего получателя». В заголовке стояло ИВ-3. Текущая версия — ИВ-3.12. Автор — «операторская группа узла № 4».

Она помнила первую страницу почти целиком. Проверить получателя. Собрать файлы в отдельную папку. Удалить внутренние метки. Сформировать перечень. Сверить объём. Передать на подпись координатору. Инструкция появилась после того, как один из операторов отправил заказчику архив вместе с внутренними комментариями. Имя оператора в «Контуре» не называли: ошибка считалась общей, потому что проверка тоже была общей.

— Мам, ты помнишь, кто написал инструкцию по внешним выгрузкам?

— Роман, наверное.

— Почему Роман?

— Он всё такое пишет.

— Ты видела, как он её писал?

— Лада, я видела, как он десять лет всем говорит, что делать. Этого мало?

Для семейного разговора — достаточно. Для карточки происхождения — нет.

Лада закончила с выкройками, оставила матери бумажный список из пяти проверок и пошла в операторскую. Роман составлял заявление на временный учебный режим. На соседнем экране были открыты её расписание и таблица резервного взноса.

— Ты поставил понедельник сроком? — спросила Лада.

— Совет собирается во вторник. Если пропустим, ещё неделя по старому коэффициенту.

— Мне в понедельник нужно быть в Озёрном.

— Подписать можешь сегодня. Мамина часть останется пустой.

— Она согласилась учиться проверке.

— Она согласилась сидеть с тобой за терминалом. Это не то же самое, что взять обязательство перед советом.

Лада положила рядом лист с мамиными отметками. В четвёртом пункте вместо галочки мать нарисовала крест и подписала: «Если заказчица вернула старую версию, спросить, какую считать старой». Это было точнее правила, которое Лада собиралась дать ей утром.

Роман прочитал и чуть подвинул лист к себе.

— Хороший вопрос.

— Запишем как результат занятия?

— Если она разрешит.

После вчерашнего разговора он стал добавлять эту оговорку слишком заметно. Лада не понимала, издевается он или действительно меняет порядок.

— Мне нужна ИВ-3, — сказала она. — Все редакции старше пяти лет и журнал изменений.

— Зачем?

— Вводное задание. Карточка происхождения рабочей инструкции.

Роман перестал печатать.

— Возьми внешнюю.

— Я не работаю по внешним инструкциям.

— В учебном комплекте наверняка есть образец.

— Задание требует рабочую.

— Тогда выбери инструкцию по проверке выкроек. Там мама автор.

— Она действует меньше трёх лет.

— ИВ-3 содержит внутренние процедуры передачи.

— Я не собираюсь передавать саму процедуру. Только карточку: кто создал, кто правил и почему.

— Список операторов тоже внутренний.

— Имена можно заменить ролями.

— А автора?

— Вот это я и хочу установить.

Роман закрыл таблицу, но не дал согласия. Он открыл реестр документов и нашёл ИВ-3.12. Поле автора выглядело так же, как помнила Лада: «операторская группа узла № 4». В журнале последних изменений стояли конкретные имена. Лада добавила предупреждение о двойной проверке адреса; Роман — правило отдельной папки; Костина — сверку

объёма до подписи. Ранние строки были объединены в одну: «Редакции 1–6 перенесены из прежнего хранилища. История недоступна».

— Значит, так и напишешь, — сказал Роман. — Автор не установлен, ранняя история недоступна.

— Она доступна в слепках.

— Не в рабочем реестре.

— Задание как раз про происхождение, а не про рабочий реестр.

— Слепки недель предназначены для восстановления состояния, а не для сборки биографий документов.

— Откуда это правило?

— Из назначения слепков.

— Кто назначил?

Роман посмотрел на неё без раздражения, что было хуже. Так он смотрел, когда считал собеседника уже попавшим в ошибку и ждал, заметит ли тот сам.

— Ты хочешь выполнить упражнение или доказать преподавательнице, что у нас неверно устроен архив?

— Установить автора.

— Для чего?

— Чтобы не написать «общая» там, где был человек.

— Человеков было двенадцать. Один написал первый список, другой добавил проверку, третий перенёс в шаблон, четвёртый исправил после ошибки. Кого ты назначишь автором?

— Никого не назначу. Запишу вклад каждого, если найду.

— И отдашь институту карту внутренней работы.

— Обезличенную.

— Обезличивание не делает внутреннее внешним.

Он вернул на экран заявление об учебном режиме. В графе согласия матери по-прежнему было пусто.

— Доступ к следам у тебя есть по рабочим задачам, — сказал он. — Учебное задание рабочей задачей «Контура» не является.

— Значит, ты запрещаешь?

— Я напоминаю предел доступа.

— А если я возьму документ, который сама редактировала?

— Твои правки внутри общего документа не дают тебе права вынести весь документ.

— Я не спрашивала про весь.

— Тогда сформулируй запрос точно.

Лада открыла карточку разрешения. Раньше она написала бы: «доступ к старым редакциям ИВ-3 для образовательных материалов». После экзамена такая формулировка казалась ловушкой, поставленной самой себе.

Она указала: «Просмотр редакций ИВ-3.1–ИВ-3.6 и связанных записей журнала только для установления цепочки авторства. Во внешний учебный ответ могут быть перенесены годы, виды изменений и обезличенные роли участников. Текст процедур, имена участников, номера узлов, адреса, за-

казы и технические параметры не переносятся. Срок доступа — два часа. Результат перед передачей проверяет второй оператор».

— Кто второй? — спросил Роман.

— Ты.

— Я могу не согласовать результат.

— Тогда в задании останется описание поиска и отказ владельца раскрыть сведения.

— Красиво разделила.

Это были мамины слова. Роман произнёс их ровно, но Лада услышала предупреждение: нельзя считать точное поле нравственным оправданием.

— Согласуешь доступ? — спросила она.

Роман прочитал запрос ещё раз и подписал.

Система отвела им два часа в комнате слепков. Формально второй оператор требовался только для восстановления, но Роман остался рядом. ИВ-3.6 нашлась в слепке шестилетней давности. ИВ-3.5 — ещё через три недели назад. У ранних документов не было современного журнала, только последовательность файлов и короткие сообщения в карточках смены.

Первая редакция называлась не инструкцией, а памяткой: «Как не отправить лишнее». В свойствах файла автором значился терминал ОП-4-2. Пользователь не указан.

— Общая, — сказал Роман.

— Терминал общий. Текст писал не терминал.

— Если человек не подписался, мы не должны угадывать.

Лада записала: «Автор первой редакции не установлен; свойство фиксирует устройство создания». Это было верно и злило её именно своей верностью.

Вторая редакция добавляла перечень вложений и запрет отправлять временные файлы. В карточке смены стояло: «Дополнено после случая 18-Ж, обсудили утром». Без имён.

Третья получила номер ИВ-3. На первой странице появилась строка «Составлено операторской группой». Роман в тот год уже был координатором, но среди редакторов его не было.

— Ты не писал? — спросила Лада.

— Я утвердил.

— Кто написал?

— Не помню.

— Мама думает, ты.

— Мама думает, что я написал всё, что ей не нравится.

Он сказал это спокойно. Лада улыбнулась, и сразу стало неловко: мать сидела через стену и училась делать работу, которую раньше незаметно делала дочь.

В четвёртой редакции изменился порядок: сначала отдельная папка, потом проверка получателя. Основание — «замечание Л.М. после повторной выгрузки».

Лада придвинулась к экрану.

— Это я?

— Вероятно.

— Других Л.М. в узле не было.

— Тогда ты.

Она помнила повторную выгрузку. Заказчице ушёл пустой архив: Лада подготовила файлы в новой папке, а в перечень попали пути из старой. Ошибку нашли до срока, но передача заняла лишний гостевой час. После этого Лада предложила сначала собирать всё отдельно и только затем формировать перечень. Она не помнила, что писала текст инструкции.

В пятой редакции строка исчезла. Основание стало общим: «уточнение последовательности операций». Автор — «операторская группа».

— Почему убрали имя? — спросила Лада.

— При переносе в единый шаблон убрали личные пометки.

— Зачем?

— Чтобы инструкция не превращалась в доску заслуг и обвинений.

— Замечание — не заслуга и не обвинение. Это происхождение правки.

— Сейчас мы так и ведём. Тогда не вели.

— Но имя было. Его удалили.

— Строку нормализовали.

— Это твоё слово или запись?

Роман нашёл карточку переноса. В ней было сказано: «Личные отметки составителей исключены как не влияющие

на применение. Документ считать результатом общей практики». Подписал перенос сам Роман.

Лада переписала фразу на бумагу. Внешний кабинет был закрыт, телефоном в комнате слепков она не пользовалась. На листе слова выглядели грубее, чем на экране.

— Ты решил, что моё имя не влияет на применение.

— И не влияет.

— На применение — нет. На историю документа — да.

— Мы тогда сохраняли то, что помогает работать. За каждое дополнительное поле платили местом, временем проверки и спорами о том, кто главный автор очевидного правила.

— Очевидного после ошибки.

— Да. И ошибка была общей. Пустую выгрузку пропустила не только ты.

— Но порядок предложила я.

— Возможно.

— В записи стоит моё имя.

— Стоят инициалы в замечании. Мы не знаем, написала ли ты новую последовательность сама, продиктовала её или только указала на проблему.

Лада хотела сказать, что знает. Но не знала. Она помнила пустую папку, второй гостевой час и чувство, будто весь узел ждёт, пока она исправит собственную глупость. Помнила, как вечером переписывала список действий от руки. Не помнила, переносила ли его в файл.

— Я считала, что это ты написал инструкцию, — сказала

она.

— Потому что я её утверждал.

— И потому что она звучит как ты.

— Все инструкции со временем звучат как человек, который заставляет их выполнять.

Они дошли до шестой редакции. В неё добавили двойную сверку адреса и подпись второго оператора. У правки было два имени, дата обсуждения и ссылка на основание. История становилась подробнее не сразу, а кусками, после каждой ошибки.

Лада составила цепочку на бумаге. Первая памятка — неизвестный человек за общим терминалом. Вторая — групповое обсуждение после случая 18-Ж. Третья — присвоение номера и групповое авторство. Четвёртая — замечание Л.М. и изменение порядка. Пятая — удаление личных отметок при переносе. Шестая — два названных редактора. Текущая — одиннадцать последовательных правок.

— Моё имя можно вынести? — спросила она.

— Ты обещала обезличенные роли.

— В запросе речь об участниках. Я участник и могу согласиться за себя.

— Ты можешь назвать себя автором своей учебной работы. Но нельзя на основании одной строки объявить себя автором правки внутренней инструкции.

— Тогда «предполагаемый инициатор изменения».

— Это уже вывод.

— С указанием основания и неопределённости.

Роман откинулся на спинку стула.

— Что тебе даст имя?

— Поле автора не останется пустым.

— Оно не пустое. Там группа.

— Группа не могла заметить ошибку одновременно.

— А исправить могла только вместе. Если тебе нужен человек, ты выберешь себя, потому что нашла свои инициалы. Если бы там стояли мои, ты бы сказала, что я присвоил общий документ.

— Может быть.

— Очень удобная методика.

— Поэтому я и не хочу выбирать одного автора.

Лада посмотрела на часы. Оставалось двадцать три минуты. Можно было сохранить на внешний носитель карточку с обезличенной цепочкой. Разрешение это допускало после проверки Романом. Если добавить своё имя, проверку он, вероятнее всего, не подпишет. Тогда она сдаст описание отказа и сохранит границу между учебой и внутренним архивом. Формально задание будет выполнено.

Но она уже видела, как напишет: «Владелец системы отказался раскрыть автора». Это сделает Романа препятствием, а её — человеком, который искал правду. Запись о Л.М. превратится в доказательство, хотя доказывала только замечание, не создание текста.

— Давай проверять карточку, — сказала она.

На первой строке она указала название ИВ-3 и современного владельца: операторская группа узла, предоставившая ограниченный учебный доступ. В поле «автор» написала: «Коллективное авторство заявлено в редакции 3; автор первой памятки не установлен».

В поле «редакторы» перечислила роли и годы. Для четвёртой версии: «Оператор семейного архива, инициалы Л.М.; характер вклада не установлен; после замечания изменена последовательность действий». Имена двух других редакторов заменила «оператором проверки» и «координатором узла».

— Себя обезличила, — заметил Роман.

— Пока да.

В поле основания пятой правки Лада внесла: «При переносе личные отметки исключены как не влияющие на применение; решение утвердил координатор. Следствие: индивидуальный вклад ранних редакторов перестал отображаться в рабочей версии».

— “Перестал отображаться” звучит так, будто вклад точно был установлен, — сказал Роман.

— Отметка точно была.

— Отметка и вклад — не одно.

Лада исправила: «Следствие: ранние личные отметки перестали отображаться; установить по рабочей версии характер индивидуального вклада невозможно».

Роман кивнул.

Они убрали номера случаев, узла и терминала, точные даты заменили годами, технические действия — общими названиями этапов. От документа осталось не содержание инструкции, а история того, как он становился общим.

Внизу карточки было свободное поле для вывода. Лада написала:

«Общее пользование документом не доказывает общего авторства каждой редакции. Однако обнаружение имени рядом с изменением также не доказывает авторство текста. Надёжно установлены последовательность версий, факт удаления личных отметок и действующее коллективное указание. Авторство первой редакции остаётся неизвестным».

Роман прочитал.

— Теперь подпишу.

— Даже строку про удаление?

— Она была удалена. Я это не отрицаю.

— Ты считаешь решение правильным?

— Тогда считал. Сейчас сделал бы отдельный журнал вкладов, если бы он не влиял на права доступа и оплату.

— Почему не сделать?

— Потому что это ещё один реестр, который кто-то должен проверять. А если вклад станет основанием оплаты, начнут делить каждую запятую. Если не станет — люди спросят, зачем он нужен.

— Чтобы через шесть лет не искать автора в слепках.

— Тогда посчитай стоимость и предложи правило.

Он подписал карточку. Система сформировала учебную выгрузку и отдельный акт: какие поля исключены, кто проверил, кому разрешена передача. В строке получателя Лада указала институт и номер своего задания.

Перед окончательным сохранением оставалось заполнить поле согласия автора на использование материала. Для коллективного документа форма предлагала согласие владельца. Роман мог поставить подпись узла.

Лада уже подвинула ему клавиатуру, когда заметила ниже ещё одну строку: «Лицо, чьи персональные сведения или вклад раскрываются».

В выгрузке не было её имени. Но учебный вывод становился сильнее, если она объяснит преподавательнице, почему выбрала именно этот документ: нашла собственные инициалы в удалённой редакции. Это была не чужая семейная история. Не мамина жалоба. Её работа, её имя, её согласие.

И всё же из одной строки легко получалась законченная история: Лада создала правило, Роман стёр авторство, институт помог его вернуть. Такая история была ясной, личной и почти неверной.

— Что? — спросил Роман.

— Я могу раскрыть себя как Л.М.

— Можешь.

— Ты не против?

— Это твои сведения. Но документ от этого твоим не станет.

Лада вернула клавиатуру к себе и оставила строку пустой. В пояснении написала: «Связь одного из обезличенных участников с автором учебной работы известна автору, но не раскрывается, поскольку характер вклада не установлен и раскрытие создаст ложное впечатление о единоличном авторстве».

— Теперь красиво разделила? — спросила она.

— Теперь оставила неудобное место пустым.

— Вера Алексеевна сказала, что пустое поле тоже должно иметь происхождение.

— Кто такая Вера Алексеевна?

— Преподавательница.

— Тогда передай: у этого пустого поля происхождение есть.

Время доступа закончилось. Экран слепков погас, оставив на секунду их отражения рядом. Учебная карточка лежала на разрешённом носителе, акт — во внутреннем реестре. Ни один из них не называл Ладугу автором инструкции.

На кухне мать проверяла третью выкройку. Рядом с бумажным списком появилась шестая строка: «Если непонятно, кто правил, не угадывать».

— Это ты добавила? — спросила Лада.

— А кто ещё?

— Можно подписать?

Мать взяла карандаш и вывела рядом своё имя полностью. Потом подумала и добавила дату.

— Так достаточно?

— Для этой строки — да.

— А для остальных?

Лада посмотрела на первые пять пунктов. Три придумала она, один изменил Роман, один появился из маминого вопроса про старую версию. У списка уже было трое авторов, хотя утром Лада считала его своим.

— Для остальных нужна история, — сказала она.

Мать вернула карандаш.

— Вот и не отдавай никому без истории.

В понедельник в аудитории Вера Алексеевна собрала карточки и попросила каждого назвать автора выбранного документа одним предложением.

Сосед Лады сказал: «Начальник отдела». Женщина у окна — «организация». Кто-то сослался на фамилию в свойствах файла. Когда очередь дошла до Лады, она положила перед собой обезличенную цепочку.

— Автор первой редакции не установлен, — сказала она.

— Третья редакция заявлена как коллективная. В более поздней версии найдено имя рядом с изменением, но запись не позволяет установить, написал ли этот человек текст.

— Поэтому поле автора пустое? — спросила Вера Алексеевна.

— Поэтому в нём три разных ответа с разным статусом.

— А найденный человек доступен для опроса?

Лада почувствовала, как легко сейчас получить недоста-

ющий эффект.

— Да.

— Вы его опросили?

— Это я.

Несколько человек подняли головы.

— И что вы свидетельствуете? — спросила преподавательница.

— Я помню ошибку, после которой изменили порядок действий. Помню, что писала новый список от руки. Не помню, переносила ли его в инструкцию. Запись подтверждает моё замечание, но не авторство текста.

— Почему вы не указали имя в карточке?

— Потому что моё согласие раскрыть имя не исправляет недостаток доказательств.

Вера Алексеевна поставила на полях короткую отметку.

— Вот это и есть работа с источником. Не скромность и не отказ от авторства. Предел вывода.

После занятия Лада открыла внутренний черновик предложения ПФ-118. Совет требовал реальный пример расхождения. Заказ 44-Л использовать было нельзя. ИВ-3 не содержала семейных сведений, а разрешённая карточка уже прошла проверку.

Она добавила новый пример: рабочая версия заявляет коллективное авторство; удалённая редакция сохраняет личную отметку; обе записи истинны, но отвечают на разные вопросы. В приложении не было текста инструкции и имён.

Только цепочка версий и последствия удаления отметки.

Перед кнопкой отправки система спросила основание доступа. Лада указала акт учебной выгрузки. Затем — основание повторного внутреннего использования. Здесь разрешение не требовалось: предложение оставалось внутри «Контура» и не расширяло круг доступа.

Она отправила пример совету.

Через минуту Роман написал из соседней комнаты: «Это уже не мамин заказ».

Лада ответила: «И не доказательство, что я автор».

Он долго ничего не писал. Потом в карточке появилась его служебная отметка: «Пример допустим для обсуждения процедуры. Факт расхождения подтверждаю».

Внешнее задание было сдано. Внутреннее предложение снова двигалось. Имя Лады так и не появилось в поле автора.

Впервые пустота там означала не отсутствие человека, а точно записанную границу знания.

Глава 6. Первый внешний семестр

В день подписания договора Лада проснулась от того, что мать передвигала по кухне стулья.

Стулья не мешали. Мать освобождала место возле терминала для второй тумбы: на неё Роман обещал поставить отдельный экран проверки. Это ещё не означало согласия на временный учебный режим, но означало, что мать собиралась проверять файлы не один раз.

— К окну нельзя, отсвечивает, — сказала Лада.

— Я двадцать лет работаю у этого окна.

— На ткани отсвета нет.

— Значит, повесим занавеску.

Мать измерила расстояние между столом и розеткой портновской лентой. На конце ленты была выцветшая красная отметка — длина первого рабочего стола, который они собирали ещё втроём. Лада помнила, как держала доску, пока Роман вкручивал ножки. Возможно, держала мать. Воспоминание было слишком гладким, и Лада не стала ничего говорить.

На кухонном столе лежало заявление о временном учебном режиме семейного аккаунта. Роман заполнил расчёты, Лада — расписание и источник резервного взноса. Пустовали две строки: согласие матери на обучение проверке и её согласие на передачу части заказов Костиным.

— Сегодня последний день, — сказала Лада.

— До тридцатого ещё два дня.

— Договор — до тридцатого. Совет принимает заявление сегодня, чтобы режим включился с октября.

— Я слышала.

Мать свернула ленту и убрала в карман.

— Что именно я подпишу?

Лада начала перечислять: два месяца, четыре процента снижения гарантированного объёма, сохранение скидки, резервный взнос, восемь часов обучения в неделю. Мать подняла ладонь.

— Не что там написано. Что я обещаю делать?

— Проверять свои файлы перед передачей. Сначала вместе с кем-то, потом самой. Если не уверена — оставлять заказ на проверке.

— Восемь часов каждую неделю?

— Это верхняя граница. Считается и работа на своих заказах.

— А если у меня срочный?

— Тогда просишь второго оператора.

— Тебя не будет.

— Романа или Костину.

— Костина берёт комиссию.

— Да.

Мать села и прочитала заявление от первой строки до последней. Роман вошёл, когда она дошла до приложения с

рисками.

— Здесь написано: после двух ошибок обучение прекращается, — сказала мать.

— Не обучение, — ответил Роман. — Самостоятельная проверка. Возвращается второй оператор.

— И комиссия.

— Если второй оператор Костина.

— А если ты?

— Тогда моя очередь заказов станет длиннее.

— Ладина не считалась комиссией.

Роман не ответил. Лада видела в таблице, сколько её бесплатной работы называлось семейным участием. Она могла сейчас превратить это в обвинение и получить ещё один ясный спор. Но заявление было о будущих двух месяцах, не о правильной цене прошлых лет.

— Можно записать условие, — сказала она. — Первые две недели Роман проверяет без внутренней комиссии в пределах четырёх часов. Потом смотрим фактическое время и решаем заново.

— А ты?

— Я буду дома четыре дня в неделю. Но в эти дни у меня останутся мои смены и задания.

— Значит, если срочный в понедельник, тебя нет. Если во вторник — есть, но занята.

— Да.

Мать взяла ручку.

— Тогда не пишите, что я согласилась заменить Ладу. Я согласилась научиться своей части.

Роман добавил эту фразу в условие. Мать заставила прочитать вслух, потом подписала. Передачу заказов Костиным она разрешила только по отдельному запросу для каждого заказа.

Система приняла заявление и сразу заблокировала резервный взнос. На личном счёте Лады осталось меньше половины суммы, которую институт требовал при подписании договора.

— Теперь рассрочка, — сказал Роман.

— Я знаю.

— Если не одобряют, взнос можно отозвать до начала режима.

— Тогда семья потеряет скидку.

— Зато ты сможешь заплатить институту.

— И что случится с заказами?

— То, что было в первой таблице.

Роман сказал это без нажима. Он не предлагал ей правильный выбор, только возвращал цену каждого. Лада сложила заявление втрое и положила в сумку.

В Озёрный она приехала за три часа до занятия. В институтском кабинете договоров пахло мокрыми куртками и бумагой из дешёвого принтера. Перед Ладой стояли семь человек. Каждый подходил к окну, называл фамилию и через несколько минут уходил с папкой. Никто не сверял кон-

трольную сумму договора и не просил историю редакций.

Когда назвали Ладу, сотрудница нашла её карточку.

— Условное зачисление, подготовительный модуль, вечернее. Первый платёж сегодня.

— Я подала заявку на рассрочку.

— Решение есть. Половина первого платежа сегодня, остаток до двадцатого октября.

Сумма совпадала с её остатком почти точно. После оплаты оставалось на четыре автобусных билета и два обеда в институтской столовой.

— Можно получить копию решения и график платежей до подписи?

Сотрудница вздохнула, но распечатала ещё два листа.

В договоре институт мог менять расписание, преподавателей и помещения, уведомляя через кабинет. Лада спросила, считается ли уведомление полученным, если она не входила в кабинет.

— У вас есть внешняя почта, туда приходит сообщение.

— Сообщение содержит изменение или только ссылку?

— Обычно ссылку.

— Если я не могу войти каждый день?

Сотрудница впервые посмотрела не на карточку, а на неё.

— Тогда назначьте доверенный адрес или проверяйте по расписанию. Мы не можем отдельно звонить всем студентам.

Лада записала: проверять кабинет утром в понедельник, среду и пятницу. Это требовало внешнего доступа вне госте-

вой комнаты «Контура». Значит, нужен был не только адрес, но и место, откуда она могла входить без заявки.

Она подписала договор. Копию с отметкой института получила на бумаге и в кабинете. Первый платёж ушёл целиком с личного остатка.

После кассы Лада посчитала деньги на скамье в коридоре. До конца недели она могла ездить домой каждый вечер, но не могла платить вторую часть и дорогу весь месяц. Нужна была комната или койка хотя бы на три ночи в неделю и оплачиваемая работа в Озёрном.

Первое объявление обещало «уютное место для студентки» и требовало оплату за месяц вперёд без просмотра. Второе предлагало комнату в сорока минутах от института, но хозяйка отказалась, услышав, что Ладе тридцать один год и жить она будет только часть недели.

— Мне не нужны приходящие, — сказала хозяйка. — То есть вы не приходящая, конечно. Но режим непонятный.

Третье объявление висело на доске возле гардероба: койка в двухместной комнате над мастерской переплёт, оплата понедельно, пользование кухней до десяти вечера. Лада позвонила. Ей ответил мужчина с сиплым голосом и велел прийти до пяти, пока мастерская открыта.

Дом стоял в трёх остановках от института. На первом этаже за мутным стеклом были видны прессы и стопки картона. Хозяина звали Степан Андреевич. Он показал узкую комнату с двумя кроватями, шкафом и столом, на котором поме-

щался один раскрытый учебник. Вторая кровать была свободна до ноября; потом могла приехать практикантка.

— Интернет есть? — спросила Лада.

— Провод в коридоре, беспроводной наверху не ловит.

— Можно подключать свой компьютер?

— Если без тяжёлых загрузок. У нас мастерская отчёты отправляет.

— Что считается тяжёлой загрузкой?

Степан Андреевич пожал плечами.

— Фильмы не качать.

— Мне нужны учебные документы и кабинет института.

— Это можно.

— Запись соединений ведётся?

— Девушка, у меня койка, не ведомственная гостиница.

Лада поняла, что вопрос прозвучал как подозрение. В «Контуре» ей заранее показали бы журнал, срок хранения и владельца. Здесь отсутствие ответа не означало отсутствия записи.

— Я просто должна понимать, где открываю документы.

— Пароли ваши мне не нужны. Роутер старый, если сломаете — замените.

Он предложил понедельную оплату, ключ от комнаты и отдельный ключ от входа над мастерской. Никакого договора не было, только расписка за каждую неделю.

— В расписке будет адрес и за что деньги?

— Будет. Паспорт покажете.

— Копию оставлять?

— Нет. Запишу имя и номер.

Лада осмотрела замок. На внутренней стороне двери торчал винт. Окно выходило во двор, где картонные обрезки лежали в сетчатом контейнере. Кухня была общей с хозяином и его женой; в холодильнике Ладе полагалась одна полка.

Это не было жильём, которое она представляла, когда отправляла заявку. Но отсюда можно было вечером дойти до института, а утром — открыть кабинет без разрешения Романа.

Она заплатила за первую неделю из денег, отложенных на дорогу. Степан Андреевич написал расписку от руки, указал койко-место, срок и сумму. Лада попросила добавить пользование проводным соединением. Он посмотрел на неё, затем дописал: «без отдельной платы».

На занятие она пришла с ключом в кармане и договором в сумке. Ключ давил на бедро через тонкую подкладку, и Лада несколько раз проверяла, не выпал ли он. Вера Алексеевна раздала планы модуля и предупредила, что пропущенные задания не принимаются автоматически: нужно отдельно подтвердить причину.

— В личном кабинете? — спросила Лада.

— В кабинете или письмом с зарегистрированного адреса.

— Срок уведомления?

— До начала занятия, если причина известна заранее. В остальных случаях — в течение трёх дней.

Лада записала. Сосед наклонился к ней.

— Вы правда всё это будете читать?

— Если от этого зависит допуск.

— Тут половина преподавателей сами правил не знают.

— Тогда лучше иметь их версию письменно.

Он усмехнулся, но после занятия сфотографировал её записку о сроке.

Домой Лада вернулась последним автобусом. Мать уже спала. Роман ждал в операторской перед двумя открытыми карточками доступа.

Первая передавала ему право единолично закрывать обычные недельные слепки в дни Ладиных занятий. Раньше закрытие всегда требовало двух операторов, но временный режим позволял назначить замещающего из другого семейного аккаунта. Роман выбрал Костину. Её подпись уже стояла.

Вторая карточка ограничивала доступ самой Лады. По понедельникам, средам и пятницам после шестнадцати часов она могла только читать назначенные ей записи и завершать начатые операции. Создавать выгрузки, восстанавливать удалённые версии и менять статусы расхождений было нельзя.

— Это обязательно? — спросила Лада.

— Иначе система продолжит считать тебя доступным оператором.

— Я могу работать утром.

— Утром можешь. Ограничение с шестнадцати.

— А если занятие отменяют?

— Подашь разовое восстановление доступа.

— Кто подтвердит?

— Я или Костина.

Лада прочитала основания. В первой карточке стояло «обеспечение непрерывности». Во второй — «снижение риска незавершённой операции при внешнем обучении».

— Получается, учёба делает меня риском.

— Незавершённая операция — риск. Не учёба.

— Формулировка связывает их.

— Потому что расписание занятий создаёт ограничение времени.

— Напиши «по расписанию владельца доступа».

— Тогда совет спросит, почему у владельца особое расписание.

— Пусть спросит.

Роман исправил основание: «ограничение по заявленному владельцем расписанию; цель расписания во внутреннем доступе не фиксируется». Смысл не изменился, но учеба перестала быть свойством риска.

Лада подписала обе карточки.

— Где жить будешь? — спросил Роман.

Она показала расписку.

Он прочитал адрес, сумму и строку про соединение.

— Дешево.

— Потому что койка и понедельно.

— Замок проверила?

— Да.

— Кто ещё имеет ключ?

— Хозяин и, наверное, жена.

— «Наверное» — это не проверила.

— Спрошу в понедельник.

— Подключаться будешь через их сеть?

— Для кабинета института.

— Тогда нужен отдельный носитель и чистая система. Ничего внутреннего туда не подключаю.

— Я знаю.

— Знать и иметь — не одно.

Роман достал из ящика маленький серый накопитель в прозрачном пакете. На наклейке стояла дата проверки и пустое поле владельца.

— Это из резерва узла, — сказал он. — Можешь выкупить по внутренней цене.

После платежа и койки у Лады не было даже внутренней суммы.

— В рассрочку?

— Вычтем из ближайших смен.

— Тогда это принадлежит мне или аккаунту?

Роман помолчал.

— После полного расчёта — тебе. До него числится выданным оборудованием.

— Значит, при выходе его могут потребовать назад.

— Если не выплатишь остаток.

— Мне нужен личный сейчас.

— Другого безопасного у меня нет.

Лада могла купить внешний накопитель в Озёрном, но не знала, что было записано на нём раньше и чем его проверять. Серый накопитель имел чистый акт, однако первые недели оставался собственностью системы.

— Запиши право досрочного выкупа и запрет удалённого отзыва данных, — сказала она.

— У накопителя нет удалённого доступа.

— Тогда запрет ничего не стоит.

Роман открыл карточку выдачи и добавил оба условия. Лада назначила автоматическое списание с трёх ближайших смен. Поле владельца на наклейке заполнила сама: «Лада Мезенцева». Ни номера узла, ни семейного аккаунта.

Они перенесли на накопитель учебный комплект, договор, расписание и подписанную выгрузку ИВ-3. Перед копированием Роман проверил акт разрешения.

— Внешний срок хранения не указан, — сказал он.

— Потому что это мой сданный материал.

— Исходная карточка разрешала передачу институту, не бессрочное личное хранение.

— В акте получатель — институт и автор задания. Автор задания я.

— Это снова удобное чтение поля.

Лада открыла разрешение. В нём действительно не было срока. Она могла сказать, что отсутствие ограничения означает бессрочность. Так часто говорил совет, когда участник не уточнял условия заранее.

— Запросим владельца, — сказала она.

— Владелец — операторская группа. Я могу решить как координатор.

— Ты ещё и участник истории правок.

— Тогда вынеси на совет и жди вторника.

Во вторник ей уже понадобится материал для занятия. Лада посмотрела на внутреннюю карточку ПФ-118: та содержала ту же обезличенную цепочку, но была доступна только в «Контуре». Учебная выгрузка была создана законно, проверена Романом и уже передана институту. Вопрос касался только её копии.

— До конца семестра, — предложила она. — Только на этом носителе, без дальнейшей передачи. Потом либо продление, либо удаление с актом.

— И при потере носителя сообщаем сразу.

— Да.

Роман внёс условия и подписал как координатор. Лада подписала как получатель. Они сверили сумму файла, дату и контрольную строку. Затем Роман отключил накопитель и отдал ей.

— Теперь это не тайная копия, — сказал он.

— У меня и не было тайной.

— Локальную жалобу ты сохранила, не сказав маме.

— По правилам семи дней.

— По правилам. Но тайно от неё.

Лада положила накопитель на ладонь. Он весил меньше ключа от койки.

— Поэтому сейчас я спросила.

— Поэтому сейчас я подписал.

Из мастерской донёсся голос матери:

— Если вы закончили делить, кто чему хозяин, покажите мне, куда пропала восьмая версия.

На её экране лежали семь файлов выкройки и сообщение заказчицы о возврате к версии 7. Мать уже не выбрала самый поздний файл. Она остановила отправку.

Лада села рядом, но не взяла мышь.

— Что ты уже проверила?

Мать перечислила даты, размеры и примечания. Восьмая версия оказалась не файлом, а сообщением с исправлениями, которые затем внесли в девятую. Возвращаться нужно было к седьмой, как и написала заказчица.

— Тогда я могу отправлять? — спросила мать.

— Ты можешь решить сама.

— Я решила. Я спрашиваю, проверила ли правильно.

Лада посмотрела на Романа.

— Правильно, — сказал он. — И запиши основание выбора.

Мать внесла в карточку: «Версия 7 выбрана по прямому

сообщению заказчицы; версия 8 отдельным файлом не создавалась». Подписалась полным именем и отправила заказ.

Временный режим ещё не вступил в силу, но первая операция уже прошла без Ладиной подписи.

Поздно вечером Лада собрала вещи на три дня: две рубашки, тетрадь, договор, зубную щётку, хлеб и банку яблочного повидла. Мать добавила маленькие ножницы.

— В комнате нитка всегда нужна, — сказала она.

— Ножницы могут попросить вынуть на входе в институт.

— Тогда оставишь дома.

Она завернула их в ткань и положила в боковой карман. Не спросила, когда Лада вернётся, потому что расписание висело над терминалом.

Серый накопитель Лада убрала отдельно, во внутренний карман сумки. На нём не было семейного архива, жалобы матери или доказательства против Романа. Только договор, учебные файлы и одна разрешённая история документа, в которой её имя сознательно не стало ответом.

Утром она вышла раньше автобуса. Ключ от комнаты лежал в одном кармане, накопитель — в другом. Дом за спиной оставался подключённым к сети, которая продолжала считать её часы, доступ и стоимость отсутствия.

Лада не вышла из семейного аккаунта. Она ушла на три дня и впервые несла с собой кусок работы, границы которого были определены до дороги, а не после обнаружения.

Глава 7. Окно синхронизации

В понедельник утром Лада увидела изменение расписания раньше, чем успела снять пальто.

В личном кабинете института рядом с вечерней парой появилась жёлтая строка: практикум по описанию электронных дел переносился с восемнадцати тридцати на шестнадцать десять. Ниже мелким шрифтом стояло: «Аудитория 214. Присутствие обязательно. Уведомление размещено в 07:42».

Лада прочитала строку дважды. Автобус из Северска-на-Луге отправлялся в четырнадцать двадцать и при обычной дороге прибывал к шестнадцати пяти. От остановки до института оставалось девять минут быстрым шагом. Первый дневной автобус уходил в одиннадцать сорок, но тогда она теряла почти всю смену.

Она открыла правила модуля. Преподаватель имел право менять время практикума не позднее чем за сутки. До занятия оставалось меньше девяти часов.

Лада сделала снимок уведомления и написала в учебную часть: «Прошу подтвердить обязательность посещения при изменении времени в день занятия и порядок отработки для иногородних».

Ответ пришёл через двенадцать минут: «Перенос связан с занятостью компьютерного класса. Студенты уведомлены.

При невозможности присутствовать обратитесь к преподавателю».

Это не отвечало ни на один вопрос. Лада переслала письмо Вере Алексеевне. Та ответила короче: «Практикум вводный, без него к следующему заданию не приступите. Постараюсь задержать начало на десять минут. Решайте по обстоятельствам».

В «Контуре» обстоятельства не считались основанием. Основанием считалось событие, которое можно было связать с полномочием, сроком и ответственным. Лада открыла своё расписание доступа. Ограничение начиналось в шестнадцать часов: после него она могла читать назначенные записи и завершать уже начатые операции, но не создавать выгрузки, не менять статусы расхождений и не закрывать слепки. По понедельникам её замещали Роман и Костина.

Значит, ранний отъезд ничего не менял. Временный режим уже считал её недоступной после четырёх. До четырёх она могла закрыть дневные карточки, передать остаток и уехать первым автобусом.

Лада записала себе четыре действия: предупредить Романа; проверить незакрытые заказы матери; подтвердить Костиной замещение; выйти в одиннадцать двадцать.

Роман был на складе второго узла и не отвечал. Костина числилась доступной с пятнадцати тридцати. Лада отправила обоим одно сообщение: «Расписание института изменено. Уезжаю автобусом 11:40. Ограничение доступа остаётся

с 16:00. Обычное замещение по карточке ВР-19 без изменений. До отъезда закрываю дневной остаток».

Система поставила две серые отметки доставки. Не прочтения.

Мать уже работала за большим столом. На экране были раскрыты три заказа: комплект выкроек для мастерской из Озёрного, повторный раскрой для местной швеи и срочная правка рукава по карточке 52-К. Последний заказ должен был уйти вечером.

— Что из этого зависит от меня до завтра? — спросила Лада.

Мать не обернулась.

— От тебя теперь ничего не зависит. Мы же так договорились.

— Мы договорились, что ты проверяешь свою часть. Передачу и слепок всё равно закрывают два оператора.

— Роман с Костиной.

— Да. Я уезжаю раньше.

— А вечером вернёшься?

— Останусь в Озёрном. В среду занятие тоже.

Мать отложила мышь.

— Ты говорила, понедельник, среда и пятница. Я поняла, что между ними ты дома.

— Койка оплачена на неделю. Если ездить каждый день, дорога дороже.

— Я не про деньги. Я про ночь.

Лада посмотрела на заказы. Все три имели обычный срок передачи до двадцати двух часов. Ночное окно начиналось в двадцать три сорок и длилось двадцать минут. За это время семейный узел отправлял сводный пакет в распределительный узел: подтверждённые версии, журнал оснований и расчёт доступного объёма на следующие сутки. Раньше Лада почти всегда сидела в операторской во время окна, хотя её подпись можно было поставить заранее. Роман проверял канал, а она сверяла состав пакета.

— Замещение включает ночь, — сказала она.

— В карточке так написано?

Лада открыла ВР-19. «Право единоличного закрытия обычных недельных слепков и текущих карточек в периоды ограничения доступа Лады Мезенцевой». Ни слова о ночном окне. Однако сводный пакет всегда считался текущей операцией. Лада нашла регламент передачи. Там стояло: «Ночной пакет подтверждается дежурным оператором узла либо назначенным замещающим при отсутствии дежурного».

— Да, — сказала она. — Назначенный замещающий может подтвердить пакет.

— Костина знает?

— Она подписала карточку.

Мать снова взяла мышь.

— Тогда спроси её, знает ли.

Костина прочитала сообщение в десять восемнадцать. Ответила: «ВР-19 вижу. С 15:30 подхватчу закрытие».

Лада переспросила: «Включая ночную синхронизацию?»

Ответа не было. В десять пятьдесят у Костиной погас статус доступности. По расписанию она должна была вернуться к половине четвёртого.

Лада открыла карточку срочного заказа 52-К. Мать уже внесла исправление и сравнила размеры с письмом заказчицы. В поле результата лежали две версии. У новой был правильный номер, у старой — отметка «не передавать». Основание было записано точно.

— Этот можно завершать, — сказала Лада.

— Я ещё не проверила припуск.

— Тогда не завершай. Я только про порядок.

Мать подняла на неё взгляд.

— Если ты опаздываешь на автобус, это не делает мою работу готовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.